

Ксения Кано

Путь к темноте

Ксения Кано

Путь к темноте

«Автор»

2026

Кано К.

Путь к темноте / К. Кано — «Автор», 2026

Она чувствует одарённых. Забирает их боль. Гасит их выбросы. И уходит во тьму, чтобы вернуться снова. Пятнадцать лет прошло после Катастрофы. Мир за стенами общин принадлежит изменённым тварям, взбесившимся лесам и тёмным. Но Яна боится не этого. Она боится того, что происходит внутри. Пока её отряд был в рейде, совет решил, что одарённые — угроза. Но это лишь начало. За стенами уже ждут тёмные. А за ними — тайна, которую мир хранит с первого дня Катастрофы. И Яне придётся сделать выбор, к которому она не готова.

© Кано К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 12 лет назад	5
Глава 1. Дорога домой	7
Глава 2. Возвращение	11
Глава 3. Воспоминания	14
Глава 4. Новости	18
Глава 5. Подозрения	21
Глава 6. Совет	25
Глава 7. Сборы	28
Глава 8. Поход	31
Глава 9. Взгляд в прошлое	36
Глава 10. Новые открытия	39

Ксения Кано

Путь к темноте

Пролог. 12 лет назад

Дождь шёл третий день. Мелкий, косой, он не прекращался ни на минуту, заливая руины бывшего города, размывая и без того хлипкие тропы между обломками. Вода собиралась в воронках от снарядов, стояла лужами в провалах асфальта, капала с арматуры, торчащей из бетонных плит.

Я не замечала дождя. Я смотрела только на лицо человека, лежащего передо мной на земле.

Его звали Гриша. Мне было двадцать один, когда мы встретились, — два года назад. Он был из тех, кто выжил после первой волны. Он умел чинить всё, что имело шестерёнки и провода. И он умирал.

— Забери, — прошептал он.

Я сжала его ладонь. Холодную, несмотря на жар, который пожирал его изнутри. Кровь шла из раны в бок, толчками, слишком быстро. Лина уже сделала всё, что могла, но её дар срачивал ткани, а не возвращал потерянную кровь.

— Гриша, послушай...

— Забери. Я всё равно сдохну. А так... — он закашлялся, и на губах выступила розовая пена. — А так хоть не зря.

Он был одарённым. Сам того не знал до сегодняшнего дня. Я почувствовала его только тогда, когда осколок вскрыл ему бок и энергия хлынула наружу, как пар из пробитого котла. Слабый дар. Почти искра. Но для меня он был как вспышка в темноте.

— Ты не умрёшь, — сказала я.

Гриша улыбнулся. Улыбка вышла жутковатой — бледные губы, испачканные кровью, потрескавшиеся.

— Врёшь.

Да, я врала. Я хотела, чтобы он жил. Чтобы у него хватило сил дотянуть до базы. Чтобы Лина смогла сделать невозможное. Но я видела его рану. Видела, как быстро уходит кровь. И чувствовала, как его энергия — пусть и слабая — рвётся наружу, ища выход.

Если он умрёт без меня, выброс накроет всё вокруг. И тогда погибнет не только Гриша. Тогда погибнут все, кто окажется рядом.

— Прости, — прошептала я.

Он закрыл глаза. Его ладонь дрогнула в моей руке. А потом я потянулась внутрь себя, к соевой силе. Это сила я ощущала как ещё одно чувство. Чем-то похоже на слух, только слышала я не звуки, а энергию одаренных. Тёплую, пульсирующую и совершенно непонятную.

Я коснулась его дара.

И мир взорвался болью.

Это было похоже на удар током, на ожог, на погружение в ледяную воду — всё сразу. Чужая энергия хлынула в меня через ладони, через вены, через каждый нерв. Я закричала. Я не слышала собственного голоса — только гул, нарастающий внутри головы. Перед глазами плясали белые пятна. Кто-то, кажется, держал меня за плечи и звал по имени.

— Яна! Яна,пусти!

Это был Павел. Его голос пробивался сквозь гул, как через толщу воды.

Я разжала пальцы.

Тишина.

Дождь. Снова дождь. Капли барабанили по бетону, по лужам, по моим мокрым волосам.

Я стояла на коленях. Гриша лежал передо мной — уже не умирающий, а мёртвый. Лицо его разгладилось, стало спокойным, почти счастливым. Я забрала не только дар. Я забрала боль. Он ушёл без неё.

А внутри меня скручивалась новая сила. Тонкая, чужая, пахнувшая ржавчиной и машинным маслом. Она навсегда станет моей частью.

— Зачем? — голос Павла был глухим. Он стоял надо мной, прикрывая от дождя собой. Огромный, горячий, злой. — Мы же договаривались. Ты не должна была.

Я не ответила сразу. Я смотрела на Гришу. На его спокойное, почти счастливое лицо. На кровь, которую дождь уже начал смывать с его одежды.

Да. Мы договаривались, что я не буду тянуться к каждому умирающему одарённому. Что не буду взваливать на себя чужую силу без крайней необходимости. Что сначала — отряд, а потом — всё остальное.

Но крайняя необходимость наступила. Я почувствовала, как его дар рвётся наружу, как истончается оболочка, удерживающая чужую энергию. Ещё несколько минут — и выброс. Мощный, неконтролируемый, смертельный для всех в радиусе километра. И я единственная, кто мог это остановить.

— Он не должен был умереть так, — сказала я наконец. — Не здесь. Не рядом с нами.

— Ты могла не справиться, — в голосе Павла всё ещё звенело напряжение. — Ты и так едва держишься. Мы оба это знаем.

Я подняла на него взгляд. Дождь стекал по его лицу, по коротким тёмным волосам, по широким плечам. Он был зол не потому, что я забрала силу. Он был зол, потому что боялся за меня. И от этого мне было одновременно и легче, и тяжелее.

— Я справилась, — тихо ответила я.

— Сейчас — да.

Я не стала спорить. Павел всегда видел дальше, чем я сама. И правда была в том, что каждая такая сила оседала во мне, как осадок на дне сосуда. Рано или поздно сосуд наполнится.

Павел помог мне подняться. Его ладонь была тёплой, живой, настоящей. Я оперлась на неё сильнее, чем хотела. Ноги держали плохо.

— Артур будет зол, — тихо сказал Павел.

— Знаю.

— Идти сможешь?

— Смогу.

Это было ложью. Но дождь не спрашивал, смогу ли я. А отряд не мог ждать. Никто в этом проклятом мире не мог ждать.

Я сделала первый шаг. Потом второй. Павел шагал рядом, не убирая руку, готовый подхватить меня в любой момент.

Выброса не было. Я почувствовала это ещё до того, как боль отступила окончательно. Там, где только что умер один из нас теперь было пусто. Я вобрала все. Сжала внутри, спеленала, как раскалённый уголь в мокрой тряпке. И мир вокруг остался прежним — только дождь и руины. Ни далёкого воя, ни потустороннего гула, ни стремительно приближающейся тьмы.

Глава 1. Дорога домой

Дождь закончился только к рассвету.

Я проснулась от того, что капли перестали барабанить по натянутому над головой тенту. Тишина после трёх суток непрерывного шума казалась почти оглушительной. Слышно было, как где-то в стороне капает с листьев, как ворочается во сне Эва, как потрескивают остывающие угли в кострище.

Я лежала, укрывшись плащом. Тело ломило, как всегда, после долгих переходов. Особенно ноги. Но это была привычная, знакомая усталость, с которой я научилась жить за эти годы.

— Подъём.

Голос Артура, негромкий, но чёткий, раздался откуда-то слева. Он никогда не повышал тона, но его слышали все и всегда. Может, дело было в том, как он говорил: без лишней спешки, но с той уверенностью, которая не оставляет места для споров.

Я села, сбрасывая плащ. Утро встречало холодом, пробирающимся под одежду. Лес вокруг стоял мокрый, нахохленный, и от земли поднимался густой пар. Высокие деревья, чьи корни взломали старый асфальт, уходили вверх на десятки метров, переплетаясь кронами так плотно, что небо только угадывалось.

Сегодня мне снился Гриша. Все было так же, как и двенадцать лет назад. Наверное, этот дождь навевал на меня воспоминания. Он был не первым, у кого я забрала силу. И далеко не последним. Лица многих стерлись из моей памяти, а вот Гришу я забыть не могла.

Я поднялась и оглядела лагерь.

Отряд просыпался. Том уже возился у костра — он всегда вставал первым, если не считать Артура. Лина что-то тихо втолковывала Марку, который держался за голову: видимо, опять переоценил свои силы вчера. Вера сидела на поваленном стволе, глядя вдаль, и её лицо было спокойным, почти отсутствующим, — она сканировала пространство, но делала это незаметно, как дышала.

Норы видно не было. Наверняка уже слушает.

Я потянулась за флягой, отвинтила крышку, сделала глоток. Вода была ледяной и пахла лесным ручьём — мы пополнили запасы вчера вечером, ещё до привала.

— День пути, — подошёл Артур. — Может, чуть больше. Если не будет сюрпризов.

— Сюрпризы будут, — раздался голос Павла.

Он появился из-за деревьев, уже полностью собранный. За спиной — клинок, на поясе — огниво, которое ему давно не требовалось. От Павла всегда исходило тепло, даже в самое холодное утро, и сейчас воздух вокруг него едва заметно дрожал, как над нагретым камнем.

— Следы у восточного края, — продолжил он, подходя. — Свежие. Стая. Крупные.

— Собаки? — уточнила я.

— Похоже. Но с ними что-то не так.

— В каком смысле?

Павел помедлил. Потом пожал плечами:

— Слишком много. И следы странные — как будто они шли строем.

Мы с Артуром переглянулись. Ничего хорошего это не предвещало. Обычные изменённые твари действовали на инстинктах: охотились, жрали, защищали территорию. Но «строем» — это уже другое.

— Выступаем, — решил Артур. — Уходим с открытого места. Марк, води.

Марк кивнул, поднимаясь. Он всё ещё выглядел бледным, но отринул руку Лины и встал, цепляясь за лямку рюкзака. Его дар навигатора сейчас был важен, как никогда: впереди пром-зона, а это не то место, где хочется остаться.

Лес нехотя выпускал нас.

Сначала между стволами начали мелькать ржавые остовы машин, вросшие в землю, как доисторические животные. Потом появились стены — серые, покрытые трещинами и выющимися растениями, которые за пятнадцать лет превратились в настоящие джунгли. А потом лес просто расступился, и перед нами легла старая промышленная зона: километры мёртвого бетона, щебня и искореженного металла.

Я всегда ненавидела эти места.

Лес был опасен, но в нём было то, чего не было здесь, — жизнь. Хищная, быстрая, готовая убить тебя в любую секунду, но жизнь. А промзона ощущалась как гниющая рана. Всё здесь пахло ржавчиной, пылью и чем-то сладковато-гнилым. Звуки глохли, как в вате, а под ногами то и дело попадались провалы, скрытые густой травой.

— Ненавижу это место, — негромко произнесла Эва, и я молча согласилась.

Она шла рядом со мной, прижимая к груди холщовый мешочек с семенами. Её дар требовал контакта с живой зеленью, но здесь, среди бетона, ей было неуютно. Я чувствовала, как она напряжена.

— Нора? — Артур обернулся.

— Тихо, — отозвалась та. — Слишком тихо.

Нора шла впереди, рядом с Павлом. Её лицо было сосредоточенным, на висках выступила испарина. Я знала этот взгляд: она не просто слушала — она вслушивалась в самую ткань мира, в вибрации, которые оставляло всё живое. И то, что она слышала сейчас, ей не нравилось.

— Остановиться на привал? — предложил Том. — Дамир ещё вчера просил передохнуть.

Дамир ничего не ответил. Он шёл чуть позади меня, по-прежнему держа периметр, и только плотнее прижимал к груди свёрток с бинтами, который ему всучила Лина. Рана от вчерашней стычки с мелкой колючей выдрой ещё ныла — я чувствовала, как он бережёт ногу.

— Нет, — решил Артур. — Идём, пока тихо.

Мы успели пройти метров двести, не больше.

А потом Нора резко вскинула руку.

— Стойте!

Отряд замер. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, и дело было не в сырости. Нора выглядела испуганной. По-настоящему испуганной.

— Я не слышу их, — прошептала она. — Они будто пустые внутри. Понимаете? Как будто их нет!

— Кого? — резко спросил Павел.

Из-за остова перевёрнутого грузовика, метрах в тридцати, вышла тварь.

Когда-то это была собака. Я даже разглядела обрывок ошейника, вросшего в распухшую шею, — металлическая полоска, навсегда впечатавшаяся в плоть. Но на этом сходство заканчивалось.

Тварь была размером с телёнка. Вытянутое тело покрывала редкая жёсткая шерсть, сквозь которую пробивались костяные пластины, уродливо торчащие из боков. Морда раздвоилась, нижняя челюсть раскрывалась на две стороны, обнажая двойной ряд зубов, как у акулы. Из пасти капала густая слюна, и там, где она падала на землю, трава шипела и скручивалась.

— Чёрт, — выдохнул Саймон.

Из-за грузовика вышли ещё три. Затем ещё две.

Они не рычали. Не лаяли. Не издавали ни единого звука. Просто выходили, одна за другой, и рассредоточивались полукругом, отрезая путь вперёд. Двигались они странно — не как стая, а как единый организм. Слишком слаженно. Слишком тихо.

— Засада, — произнёс Артур, и голос его остался спокойным. Только я видела, как побелели костяшки его пальцев на рукояти клинка. — Боевой порядок.

Павел уже выхватил меч. По лезвию пробежала волна огня, и воздух вокруг него задрожал от жара.

— Дамир, прикрой Эву и Лину! — скомандовал Артур. — Марк, назад. Рэй, Саймон — правый фланг. Том, попробуй их протоптать.

— Уже, — глухо отозвался Том. — Они... голодные. Очень голодные. И ими кто-то управляет. Не вожак. Что-то другое.

— Потом разберёмся, — бросил Павел. — Сейчас нас будут жрать.

Первая тварь бросилась беззвучно.

Павел встретил её ударом снизу вверх, целясь в раздвоенную челюсть. Лезвие, охваченное пламенем, рассекло плоть, и тварь с воем — первым звуком! — рухнула, заливая землю дымящейся кровью. Но вторая уже прыгнула сбоку.

— Саймон!

Тот подставил плечо. Тварь врезалась в него, но удар погас, поглощённый его телом. Саймон крикнул, но устоял и тут же выбросил накопленную энергию обратно — тварь отлетела, врезавшись в бетонную стену.

— Три слева! — крикнула Нора.

Рэй отреагировал мгновенно. Он хлопнул ладонями по земле, и ближайшая бетонная плита вздыбилась, укреплённая его силой, встав стеной между нами и нападавшими. Две твари врезались в неё, одна успела проскочить.

И тут в дело вступил Артур.

Он не двинулся с места. Просто выбросил руку вперёд, и воздух вокруг твари сгустился. На моих глазах влага из почвы, из воздуха, из листьев — отовсюду — потянулась к существу, облепила его и в одно мгновение застыла льдом. Тварь замерла в полупрыжке, обездвиженная, только глаза бешено вращались в ледяном коконе.

— Арден, бей! — скомандовал Павел.

Арден уже был рядом. Его дар — видеть уязвимости — вёл его точнее любого инстинкта. Он ударил коротким клинком в единственное незащищённое место между костяными пластинами, и тварь обмякла.

Но их было слишком много.

Я не успела заметить, откуда выскочила та, что прорвалась к центру. Вера что-то крикнула, её дар искажения моргнул, но тварь была слишком быстрой, слишком целеустремлённой. Она неслась не на меня. И не на Лину. Она неслась туда, где стояли Эва и Марк — самые уязвимые, не боевые.

— Дамир! — крикнул Артур.

Дамир уже бежал. Его щит вспыхнул в полную силу — плотный, почти видимый, золотистый. Он встал между тварью и Эвой, выставив руки.

Тварь прыгнула.

Щит выдержал. Но в последний момент тварь извернулась в воздухе, как змея, и её хвост — длинный, усаженный костяными шипами — хлестнул Дамира по ногам. Шипы вспороли плоть от бедра до колена.

Дамир рухнул.

— Дамир! — Лина уже бежала к нему.

Я бросилась следом. Кровь хлестала из раны, слишком много и быстро. Лина упала на колени рядом, её ладони легли на рваные края, и она зашептала — не слова, а какой-то тихий, вибрирующий звук. Её дар начал работать, сращивая сосуды, останавливая кровь.

— Твари отступают! — крикнула Нора.

Да, краем глаза я видела: выжившие существа уходили так же беззвучно, как появились. Растворились между бетонными остовами. Но сейчас это не имело значения.

Дамир был бледен, как тот лёд, которым Артур только что покрыл тварь. Его губы дрожали, а щит вокруг тела мерцал, как гаснущая лампа.

— Щит, — прошептал он. — Не могу... удержать...

Я схватила его за руку. Его энергия — сильная, тёплая, с привкусом чего-то звонкого, как колокольная бронза — билась внутри него, дестабилизированная болью. Рана была тяжёлой, но не смертельной. А вот выброс...

— Дамир, смотри на меня, — сказала я тихо, но твёрдо. — Слушай мой голос. Щит не нужен. Держи только силу. Не выпускай. Я помогу.

Он смотрел на меня широкими, испуганными глазами. И понемногу, очень медленно, хаотичные всплески его энергии начали выравниваться. Я не забирала её — просто держала рядом, как держат за руку человека над пропастью. Стабилизировала.

— Всё, — выдохнула Лина, отстраняясь. — Кровь остановила. Но идти он не сможет. Нужны носилки.

Павел подошёл и опустился на корточки рядом. Его лицо было мрачным, на скулах играли желваки.

— До темноты мы не успеем домой. Придётся ночевать в промзоне.

— Или нести его, — возразил Саймон. — По очереди. Мы теряем время.

— Нести, — твёрдо сказала я, поднимаясь. — Мы не останемся здесь.

Я поймала взгляд Артура. Он смотрел на меня внимательно, и в его глазах было то же, что и у меня: понимание, что рана Дамира — не главная проблема. Главная была в другом.

Эти твари не просто напали. Они атаковали слабейших, зная, кто не сможет себя защитить. Они устроили засаду, которую не смогла почувствовать даже Нора. Они действовали так, будто ими руководили.

И это означало, что за ними кто-то стоял.

Глава 2. Возвращение

Носилки соорудили из двух длинных копий и плаща Рэя.

Тот сначала ворчал, что ткань не выдержит, но его дар сделал своё дело: укрепив волокна, он превратил обычный плащ в нечто прочнее брезента. Дамир, бледный и злой, пытался шутить, что впервые едет с комфортом, но шутка вышла жалкой.

— Заткнись, — беззлобно бросил Саймон, берясь за передний край носилок. — Береги силы.

Мы шли молча.

Лес снова сомкнулся вокруг, как только промзона осталась позади. Высокие деревья, чьи корни ломали асфальт, как бумагу, скрывали небо. Воздух был влажным и тяжёлым, пах прелой листвой и сырой землёй. Наши шаги тонули в мягкой подстилке из мха и гниющей древесины.

Дамира несли по очереди. Павел и Саймон. Потом Артур и Том. Потом снова Павел, но уже с Арденом. Я шла рядом, время от времени кладя ладонь на лоб Дамира, проверяя его состояние. Его энергия всё ещё билась неровно, как раненый зверь, но уже не рвалась наружу. Я держала её, как держат за руку ребёнка, которому снится кошмар.

— Я в порядке, — прошептал он в очередной раз, не открывая глаз.

— Конечно, — ответила я. — Поэтому и лежишь.

Он усмехнулся уголком губ. Но спорить не стал.

Нора шла впереди, постоянно вслушиваясь. После нападения она стала ещё более напряжённой, если такое было возможно. Её дар, раньше ловивший малейшие шорохи за сотни метров, теперь будто наткнулся на стену. Она не могла слышать тех тварей. И это пугало её сильнее, чем сами твари.

— Я должна была почувствовать их, — тихо сказала она, когда мы остановились на короткий привал. — Они просто... появились из ниоткуда.

— Не вини себя, — покачала головой Вера. — Я тоже их не заметила. А уж мой-то дар на такие вещи заточен.

— Том сказал, ими кто-то управляет, — я посмотрела на Тома.

Тот шел позади, о чем то усиленно размышляя.

— Да, — ответил он наконец. — Не так, как вожак управляет стаей. По-другому. Будто у них в головах что-то было. Чужое. Приказ. И они не могли его послушаться.

— Кто-то из тёмных? — спросил Павел, отрываясь от заточки клинка.

Том медленно пожал плечами:

— Я не знаю. С собаками я бы разобрался. Но это уже не собаки. И... я бы не хотел встретиться с тем, кто их такими сделал.

Над лагерем повисла тишина. Каждый думал о своём, но мысли у всех были одинаково тревожные.

К вечеру потянуло дымом.

Сначала — едва уловимо, как далёкое воспоминание. Потом запах стал гуще, и я уловила в нём привычные ноты: хвоя, сырые дрова, что-то печёное. Община.

Я невольно прибавила шаг.

Мы все ускорились. Даже те, кто нёс носилки, зашагали шире. Усталость отступила, уступив место тому особому чувству, которое всегда приходило в конце долгой вылазки. Дом. Почти дом.

— Дозорные заметили нас, — тихо сказала Нора. — Вон, на восточной вышке. Трое.

— Наконец-то, — выдохнула Эва.

Ограда показалась между деревьями внезапно. Высокая стена из брёвен, укреплённая металлическими листами и колючей проволокой, тянулась в обе стороны, насколько хватало глаз. Над стеной возвышались сторожевые вышки, сколоченные из того, что удалось найти. На одной из них горел огонь — не электричество, а простой факел, но в сгущающихся сумерках он казался маяком.

Ворота были закрыты.

Я нахмурилась. Обычно дозорные открывали их заранее, заслышав нас. В прошлые разы мы входили без остановки.

— Это ещё что за новости? — проворчал Павел.

Он шагнул вперёд, подняв руку. Огонь на ближайшем факеле дрогнул и вспыхнул ярче — его дар откликнулся на зов.

— Открывайте! — крикнул он. — Свои!

С вышки донёсся голос, торопливый, почти испуганный:

— Сейчас! Сейчас!

Загребели засовы. Ворота медленно поползли в стороны, и в проём хлынул тёплый свет. Встречающие стояли поодаль — несколько человек, не больше. Я поискала глазами знакомые лица. Старый Фёдор, бессменный охранник ворот. Пара женщин из бытового сектора. Мальчишка-посыльный.

И всё.

Обычно к возвращению отряда выходило полобщины. Кто-то встречал родных, кто-то — просто поглазеть. Сегодня у ворот было пусто.

— Заносите Дамира, — скомандовал Артур, не показывая удивления.

Мы вошли.

Община встретила нас тишиной.

Нет, люди были. Они выходили из домов, выглядывали из-за ставен, но держались на расстоянии. На их лицах читалось что-то, чего я не видела раньше. Не просто страх перед одарёнными — к нему мы привыкли. Это был другой страх. Глухой, подозрительный, липкий.

— Что-то случилось, — негромко сказала Вера, шагая рядом.

— Да, — ответила я.

Я не знала, что именно. Но кожей чувствовала: пока нас не было, произошло что-то нехорошее.

Дамира отнесли в лазарет — небольшое здание у восточной стены, сложенное из кирпича и фанеры. Лина ушла с ним, буркнув, что её смена ещё не закончена. Остальные разбрелись по жилищам. А я осталась стоять на главной улице, глядя, как медленно гаснет закат над стенами.

— Яна.

Я обернулась.

К нам шёл Алексей.

Высокий, подтянутый, с той особой осанкой, какая бывает у людей, привыкших, что на них смотрят. Тёмные волосы тронуты сединой, но лицо оставалось гладким, почти молодым. Он улыбался. Улыбка была открытой, тёплой, располагающей — такая улыбка должна была заставлять людей чувствовать себя в безопасности.

На меня она подействовала с точностью до наоборот.

— С возвращением, — Алексей остановился в двух шагах. — Мы ждали вас ещё вчера. Как прошла вылазка?

— Нормально, — ответил за меня Павел, выступая вперёд. — Дамира ранили. Остальное — в отчёте.

— Конечно, конечно, — Алексей кивнул с той полуофициальной любезностью, которая должна была показать: он понимает усталость, он не с допросом, он просто поздороваться

пришёл. — Но раз уж вы здесь, я бы попросил вас зайти утром в совет. Ничего срочного, просто пара вопросов по текущим делам.

— Пара вопросов? — переспросила я, глядя ему в глаза.

— Именно, — улыбка Алексея не дрогнула. — Нам нужно обсудить кое-какие изменения. Вы же знаете, как это бывает. Пока вы были в рейде, совет не сидел без дела.

Он сказал это легко, почти шутливо. Но я услышала главное.

«Пока вас не было».

— Зайдём, — коротко сказал Артур.

— Вот и отлично, — Алексей развёл руками. — Отдыхайте. Рад, что вы вернулись. Все вы.

Он развернулся и зашагал прочь — неспешно, по-хозяйски, будто мы ызашли в гости, а не мы вернулись домой.

Я проводила его взглядом.

— Что-то ты не рада возвращению, — заметил Павел.

— А ты рад?

Он не ответил.

Мы стояли в сгущающихся сумерках, глядя, как Алексей уходит в сторону совета. Где-то за домами лаяла собака — обычная, не изменённая, одна из тех, что жили при общине. Пахло дымом, едой и тревогой.

— Что-то изменилось, — сказала я.

— Да, — отозвался Артур. — И нам это не понравится.

Глава 3. Воспоминания

Павел и Артур ушли распоряжаться разгрузкой и выяснять последние новости. А я пошла домой. Если небольшую хижину, в который я провожу пару ночей между вылазками можно назвать домом.

Раньше, при возвращении в общину, я всегда чувствовала облегчение. Вокруг тихо и спокойно, люди живут обычную жизнь: работают, общаются, ссорятся и мирятся, и даже детей заводят и воспитывают. Насколько помню, в общине сейчас больше 300 детей в возрасте до 14 лет и все они появились на свет после катастрофы.

Но в этот раз все было по-другому. Я не чувствовала облегчения. Я чувствовала надвигающуюся опасность, хотя и не могла понять от чего она исходит.

Бредя по опустевшей в ночи дороге к кварталу одаренных, я вспоминала последние 15 лет своей жизни. Все началось с Катастрофы. Мне было 20 лет. Студентка престижного столичного вуза, одна из лучших на курсе, умница и красавица. Моя жизнь была идеальной. И разрушилась в единый миг. Как и жизнь всех жителей планеты. Мы до сих пор не знаем, что стало причиной Катастрофы. Но в один день природа сошла с ума. Землетрясения, цунами, извержения вулканов. Все это происходило одновременно по всем материкам нашей планеты. Тогда еще был интернет и электричество. Меньше чем за неделю население планеты сократилось вдвое.

А потом началось то, что добило остальных.

Растения взбесились. Леса поползли на города, поглощая здания, дороги, мосты. Всё, что было построено человеком за сотни лет, уходило под землю за месяцы. Корни взламывали бетон, лианы душили опоры линий электропередач, мхи и травы покрывали улицы плотным ковром. Наши дома, наши заводы, наши памятники — всё исчезало в зелёном безумии.

Животные изменились. Собаки, кошки, крысы, птицы — всё, что пережило первую волну, стало другим. Крупнее. Злее. Умнее. Будто сама природа объявила человеку войну на уничтожение.

И тогда же появились они. Тёмные.

Я до сих пор не знаю, кто они и откуда пришли. Никто не знает. Одни говорят — порождения катастрофы, другие — что они были всегда, просто прятались. Тёмные приходили из ниоткуда, убивали и исчезали. Они не разговаривали. Не договаривались. Они просто забирали жизнь. Всю, до капли.

Но тогда, в первые месяцы, когда мир рушился, а человечество задыхалось, произошло ещё кое-что. То, что перевернуло мою жизнь.

У людей начали проявляться способности.

Сначала это были единичные случаи. Ребёнок, выживший под завалами, согрел себя в ледяной воде. Женщина, потерявшая руку, вырастила новую. Мужчина, оказавшийся в окружении тёмных, испепелил их одним прикосновением.

Потом таких стало больше.

Мы назвали это даром. Наверное, от безысходности. Потому что дар — это звучало как надежда. Как то, что можно принять и чему можно радоваться. Хотя на деле это было просто ещё одно испытание, которое подкинул нам новый мир.

Мой дар проснулся на второй год после Катастрофы. Мне было двадцать два. Я уже не была той студенткой из столичного вуза — от неё не осталось почти ничего. Я была выжившей. Одной из тех, кто цеплялся за жизнь в руинах, среди страха, голода и смерти.

Я помню этот момент до сих пор. Вокруг меня были люди и вдруг один из них словно стал яркой лампочкой, которая осветила все вокруг. Это был Артур. Он еще не знал о своем

даре. Я и сама не понимала, что происходит. Но именно тогда нас объединила эта сила, что закипает внутри и постоянно рвется наружу.

Тогда я ещё не понимала, что это только начало.

Теперь мне тридцать пять. За плечами — тринадцать лет рейдов, потерь, побед и поражений. Я не выбирала быть той, кто я есть. Но мир не спрашивал, чего я хочу.

Я шла по тёмной улице, мимо спящих домов, и думала о том, как странно устроена память. Она хранит не самое важное, а самое яркое. Запахи. Звуки. Лица. Я уже не помнила лицо матери. Но лицо первого одаренного, у которого я забрала силу перед смертью никогда не стирается из моей памяти.

Община возникла не сразу.

Сначала мы просто сбивались в группы. Кто-то пытался уехать — но дороги были уничтожены. Кто-то пытался спрятаться в бункерах — но подземные убежища не спасали от тёмных. Кто-то искал спасения в горах, в лесах, в пустынях. Большинство погибало.

Выживали те, кто умел действовать сообща.

Наша община выросла из горстки беглецов, осевших у бывшей туристической базы. Место оказалось удачным: рядом источник воды, стены старых корпусов, которые можно было укрепить, и достаточно открытого пространства, чтобы заметить приближение опасности. Сначала нас было сорок два человека. Сейчас — больше трёх тысяч.

Мы строили. Чинили. Учились жить заново.

Всё, что не успело погибнуть, пригодилось. Старые генераторы, батареи, инструменты. Книги. Лекарства. Оружие. Каждая находка была на вес золота, потому что производство умерло. Заводы стояли — ржавые, пустые, поглощённые лесом. Всё, что мы имеем, — это то, что удалось найти в руинах или притащить из рейдов.

Электричество у нас есть, но только в центральной части общины, и то не каждый день. Работает старая дизельная станция, которую мы чудом восстановили. Топливо — роскошь, поэтому свет подают по расписанию. Воду берём из артезианской скважины, которую пробурили в первый год после Катастрофы.

Община живёт по правилам.

У нас есть совет — тридцать человек, которых выбирают раз в два года. Есть главы секторов: бытового, продовольственного, оборонного. Есть отряды, занимающиеся вылазками: ресурсы, разведка, медицина. Мой отряд — самый большой и самый опытный. Нас четырнадцать, и мы уходим дальше всех.

Но не все довольны таким положением.

Я остановилась у своего дома. Маленькая постройка из брёвен и фанеры, примостившаяся на краю квартала одаренных. Крыша протекает в одном месте, дверь скрипит. Но это единственное место, которое я могу назвать домом.

Толкнув дверь, я вошла внутрь. Тьма. Пахло пылью и сухими травами. Я не стала зажигать свечу — просто села на кровать, уставившись в темноту.

Завтра будет трудный день. Нужно идти на совет. Нужно провести Дамиром. Нужно понять, что это была за засада в промзоне. И что же за опасность, которую я ощущаю.

Но сейчас мне хотелось только одного — чтобы мир снова стал простым. Таким, каким был до Катастрофы. Когда я знала, кто я и куда иду.

Теперь я не знала ни того, ни другого.

Я не знала, сколько просидела так, в темноте. Может, час. Может, меньше. Время в такие моменты теряло смысл — как и всё остальное.

В дверь тихо постучали.

Я не ответила. Да и не нужно было. Артур не спрашивал разрешения. Он просто приоткрыл дверь, впуская в комнату полоску холодного ночного воздуха, и вошёл.

— Не спишь, — произнёс он негромко.

Это был не вопрос. Он всегда знал, когда я не сплю. Может, чувствовал — как чувствовал всё, что касалось меня. А может, просто слишком хорошо знал мои привычки.

— Думаю, — ответила я.

— Плохое занятие на ночь.

Он прошёл к столу, но свечу зажигать не стал. Просто присел на край, и я скорее угадала, чем увидела его силуэт — высокий, прямой, с той особой собранностью, которая не оставляла его даже в минуты отдыха.

— Как Дамир? — спросила я.

— Спит. Лина дала ему какую-то настойку. Сказала, до утра не проснётся.

— Это хорошо.

— Хорошо, — согласился Артур.

Между нами повисла тишина. Не тяжёлая или неловкая. Такая тишина бывает только между людьми, которые слишком давно знают друг друга, чтобы бояться молчания. Я смотрела в темноту, где угадывалось его лицо, и думала о том, сколько всего этот человек пережил рядом со мной.

И сколько я сама пережила рядом с ним.

— Ты что-то беспокоит, — сказал он наконец.

— Да.

— Расскажешь?

Я покачала головой, хотя в темноте он вряд ли это увидел.

— Завтра. Всё завтра.

Артур ничего не сказал. Он поднялся, подошёл ближе. Я почувствовала, как его ладонь легла мне на плечо — короткое, почти невесомое прикосновение. В нём не было ничего лишнего. Только поддержка. Только «я рядом».

— Ты не должна тащить всё на себе, — тихо сказал он.

— Я и не тащу. У меня есть вы.

— Ты понимаешь, о чём я.

Я подняла голову. В темноте его глаза были едва различимы, но я знала их выражение. Внимательные и проницательные. Он всегда смотрел как будто вглубь меня и видел меня насквозь.

— Я в порядке, Артур, — сказала я.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Он молчал несколько секунд. Потом убрал руку.

— Павел тоже не спит. Сидит у костра, смотрит на огонь.

— Это его успокаивает.

— Или разогревает, — в голосе Артура мелькнуло что-то, похожее на усмешку. — Ты же знаешь, он не может просто сидеть, когда что-то идёт не так.

— А ты?

— Я иду к тебе.

Это прозвучало проще, чем он, наверное, хотел. Проще и откровеннее. Я не нашлась с ответом.

Артур отступил к двери.

— Я зайду утром. Вместе пойдём в совет.

— Хорошо.

Он уже взялся за ручку, когда я окликнула его:

— Артур.

— Да?

— Спасибо.

Он не ответил. Только на мгновение замер в дверном проёме, а потом вышел, закрыв за собой дверь. В комнате снова стало тихо и пусто.

Я легла на спину, глядя в потолок. Его прикосновение всё ещё ощущалось на плече — как отголосок, как след. Я закрыла глаза.

Завтра нас ждёт совет. Завтра все изменится.

Но сейчас, в этой маленькой хижине на краю спящей общины, на один короткий миг мне стало спокойно.

Глава 4. Новости

Утро началось рано. Сквозь щели в стенах пробивался тяжелый, серый свет, а под одеяло заползал утренний холод.

Я проснулась оттого, что за дверью кто-то разговаривал вполголоса. Один голос был низкий, с хрипотцой, а второй, более ровный, спокойный. Павел и Артур. Я не слышала слов, но по интонациям поняла: ничего хорошего ждать не стоит.

Натянув обувь и набросив куртку, я вышла наружу. Мужчины стояли у крыльца, и Павел, завидев меня, оборвал фразу на середине.

— Доброе утро, — сказала я.

— Скорее, просто утро, — отозвался он.

Артур молча кивнул. Его лицо было спокойным, но я видела, как плотно сжаты его губы. Он всегда так делал, когда обдумывал что-то неприятное.

— Пойдём, — сказал он. — Нужно поговорить. Не здесь.

Мы направились к старому штабу — небольшому зданию в центре общины, где обычно собирались командиры отрядов. Улицы уже просыпались: люди шли к колодцам, к огородам, к мастерским. Но что-то в их движениях было иным. Слишком мало улыбок. Слишком много косых взглядов в нашу сторону.

Я кожей чувствовала, как за моей спиной шепчутся.

Штаб встретил нас прохладой и запахом старого дерева. Внутри, за длинным столом, уже сидели несколько человек. Я узнала Марию — главу бытового сектора, сухую, усталую женщину с неизменным пучком седых волос. Рядом с ней — Виктор, один из наших сторонников в совете, немолодой, грузный, с лицом человека, который слишком много повидал. Ещё двое — из разведки.

— Присаживайтесь, — Мария указала на свободные места.

Мы сели.

— Начну с главного, — произнёс Виктор, и его голос прозвучал глухо. — Пока вас не было, здесь случилось несчастье.

Он сделал паузу, глядя на меня.

— Парень. Из новых. Дар у него открылся недавно. Очень сильный. Он не справился. Взрывом разнесло северную сторожку. Двое дозорных пострадали. Один — серьёзно. Лина сейчас с ним, но сама понимаешь, её дар не возвращает конечности.

Внутри у меня похолодело.

— Конечности? — переспросил Павел.

— Осколками стены ему оторвало кисть, — сухо пояснила Мария. — Он выжил. Но теперь он калека.

В комнате повисла тишина.

— Люди напуганы, — продолжил Виктор. — Сильно напуганы. Раньше они считали, что выброс — это что-то, что случается только в рейдах. Где-то далеко, за стеной. А теперь это произошло здесь. Ночью. Когда все спали.

— И нашлись те, кто раздувает этот страх, — добавила Мария.

Я перевела взгляд на неё.

— Алексей?

Она не ответила. Только поджала губы и кивнула.

— Он не говорит напрямую, — сказал Виктор. — Ты же его знаешь. Он никогда не говорит прямо. Но за эти дни он успел перемолвиться с половиной совета. И не только с советом. С простыми людьми тоже. С семьями пострадавших. С теми, кто живёт рядом с северными воротами. С дозорными.

— И что он им говорит? — спросил Артур.

— Что одарённые опасны, — Мария хмыкнула. — Но он так поворачивает слова, что это звучит как забота. Мол, он понимает, что одарённые нужны общине. Что они защищают нас. Но разве не должны мы быть уверены, что они не причинят вреда? Разве не должны быть какие-то правила?

Павел сжал кулаки.

— Он предлагает ввести ограничения, — тихо сказал Артур. Это был не вопрос.

— Пока ничего конкретного, — покачал головой Виктор. — Но на последнем заседании он предложил «создать комиссию по контролю за одарёнными». Якобы для их же безопасности и для спокойствия жителей. Обсуждение назначили на сегодняшний вечер.

— Сегодня? — я вскинула голову.

— Да. Специально, видимо, чтобы вы не успели подготовиться.

Я переглянулась с Павлом и Артуром. Они думали о том же, о чём и я: Алексей действует быстро и продуманно. Пока мы были в рейде, он плел паутину. Теперь нам придется подстраиваться под его игру.

— Это ещё не всё, — произнёс один из разведчиков, молодой парень по имени Тимур.

Он всё это время молчал, сидя в углу, и только теперь заговорил. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени.

— Говори, — коротко бросил Павел.

— За последние две недели мы фиксируем странное поведение изменённых. Они подходят всё ближе к стенам. Сначала это были единичные случаи — следы у дальней опушки. Потом твари стали попадаться на глаза дозорным. Теперь их видят почти каждую ночь.

— Они нападают? — спросила я.

— Нет, — Тимур покачал головой. — В этом и странность. Они просто бродят поблизости. Смотрят. Иногда воют. Но не приближаются вплотную.

— Боятся стен? — предположила Мария.

— Твари, которые не боятся ничего, боятся стен? — хмыкнул Павел. — Сомнительно.

— Подожди, — Артур поднял ладонь. — Ты сказал «странное поведение». Что ещё?

Тимур замялся, переглянувшись со вторым разведчиком, женщиной по имени Рита.

— Есть ещё кое-что, — сказала она. — Три дня назад мы заметили тёмных.

Я почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Где? — спросил Павел.

— В двух днях пути отсюда, у старого водохранилища. Двое. Они не нападали. Просто стояли на кромке леса и смотрели в сторону общины.

— Смотрели? — переспросила я.

— Да. Они не двигались. Просто стояли. Потом ушли. Но следы остались. И следы эти... странные.

— Чем?

Рита помедлила.

— Они уходили не вглубь леса. Они уходили в нашу сторону. Но не дошли. Остановились на половине пути и исчезли.

В комнате снова повисла тишина. Я чувствовала, как тревога, что поселилась во мне ещё на подступах к общине, обретает форму. Тёмные не просто появились. Они наблюдали. Изучали. И что-то их останавливало.

— Это связано, — сказала я наконец. — Выброс, изменённые, тёмные. Это всё звенья одной цепи.

— Или совпадение, — возразила Мария.

— Совпадений в нашем мире не бывает, — тихо сказал Артур.

Павел поднялся и прошёлся по комнате. Его шаги были тяжёлыми, и пол под ним едва заметно вздрагивал.

— Алексей знает о тёмных? — спросил он.

— Разумеется, — кивнул Виктор. — Ему докладывают разведчики.

— И что он?

— Ничего. Он оставил это без внимания. Сказал, что паниковать рано, а поднимать людей на уши — только зря тратить силы.

— Он не хочет, чтобы люди боялись тёмных, — медленно произнесла я. — Он хочет, чтобы они боялись нас.

Павел остановился и посмотрел на меня.

— Почему?

— Потому что страх перед тёмными — это страх перед неизбежным. Его нельзя направить. А страх перед одарёнными — можно. Им можно управлять. Его можно использовать.

Артур кивнул:

— Если люди боятся нас, они ищут того, кто их от нас защитит. И этот человек — Алексей.

Мы замолчали. Снаружи доносились звуки просыпающейся общины: скрип телег, голоса, стук молотков. Жизнь шла своим чередом. Но в глубине уже зрело то, что могло разорвать эту жизнь на части.

— Нам нужно готовиться к вечернему заседанию, — сказал Виктор. — Алексей соберёт совет. Если мы не выступим против, комиссию создадут уже сегодня.

— Выступим, — твёрдо сказал Павел.

— И что мы скажем? — тихо спросила я.

Все посмотрели на меня.

— Что одарённые не опаснее любого другого жителя. Что за десять лет мы ни разу не причинили вреда общине. Что выброс — это трагедия, но не повод для паники.

— Это слова, Павел, — покачал головой Виктор. — А Алексею нужны чувства. Он даст им чувство защищённости. А мы?

Все молчали.

Павел остановился у стола и наклонился, опираясь ладонями о столешницу.

— Тогда мы дадим им не только слова, — произнёс он. — Мы дадим им результат. Выясним, что творится за стенами. Узнаем, почему твари лезут к общине и чего ждут тёмные. И принесём эту информацию совету раньше, чем Алексей в очередной раз откроет рот.

— Это рискованно, — заметил Артур.

— А оставаться и ждать, пока нас сделают изгоями, не рискованно?

Они смотрели друг на друга. Между ними пробежало что-то — неслышимое, но осязаемое, как разряд.

— Сначала заседание, — сказала я, поднимаясь. — Посмотрим, как поведёт себя Алексей. А после решим, что делать дальше.

Все согласились. Мы разошлись.

До вечера оставалось несколько часов.

Глава 5. Подозрения

Я вышла из штаба, и на мгновение зажмурилась: после полумрака комнаты дневной свет показался слишком ярким. Небо над общиной было затянуто белёсой пеленой, но где-то далеко, у самого горизонта, угадывалась голубая полоска.

— Прогуляемся? — Артур вышел за мной и стоял чуть сзади, так же, как и я, глядя на горизонт чуть прищуренными глазами.

Я кивнула. Нам всё равно было не чем занять время до вечера, а сидеть в четырёх стенах и гонять по кругу мрачные мысли не хотелось.

Мы шли по главной улице не спеша, сворачивая в переулки, где жизнь общины текла своей обычной чередой. Женщины развешивали бельё на верёвках, натянутых между домами. Мужчины чинили телегу. Стайка ребятишек с деревянными мечами, подражая отрядам, с визгом носилась между рядок.

Я ловила на себе взгляды. Кто-то кивал, здороваясь. Кто-то отворачивался. Я старалась не думать об этом.

— Ты сегодня задумчивая, — негромко заметил Артур.

— Разве я бываю другой?

— Бываешь. Когда мы за стеной.

Я усмехнулась про себя. Он был прав. Там, в лесу, среди опасности, я чувствовала себя странно спокойной. Может, потому что опасность там была честной. Её можно было увидеть, услышать, ударить ножом. А здесь, внутри стен, опасность улыбалась тебе в лицо и желала доброго утра.

Мы проходили мимо здания с окнами, которые каким-то чудом в нем сохранились. И я невольно выхватила свое отражение. Мои светлые волосы с рыжеватым отливом развивались за моей спиной. Я выглядела моложе своих лет, но постоянное напряжение и та самая задумчивость, о которой сказал Артур, жили в моих глазах и сейчас были особенно заметны. Свободные штаны и приталенная куртка явно уже поизносились, но одежда — последнее о чем я задумывалась после Катастрофы.

— Детский сектор, — сказал Артур, когда мы свернули за угол.

Здесь было светлее и шумнее. Маленькие домики с ярко выкрашенными ставнями, качели из старых покрышек, кривые, но такие трогательные рисунки мелом на досках забора.

Дети заметили нас почти сразу.

— Артур! Артур пришёл!

Несколько ребятишек сорвались с места и понеслись к нам. Самые смелые подбежали вплотную, остальные топтались чуть поодаль, пряча улыбки.

Артур присел на корточки, оказавшись почти на одном уровне с ними. Его пшеничные волосы, длиной до плеч, упали вперёд, и он небрежно заправил их за уши.

— Ну, кто сегодня хорошо кушал? — спросил он серьезно.

— Я! — закричал вихрастый мальчишка лет семи.

— А я два раза! — перебила его девочка с косичками.

— Два раза — это хорошо, — кивнул Артур. — Тогда покажу вам кое-что.

Он вытянул руку ладонью вверх. Дети замерли, глядя во все глаза. Над его ладонью воздух едва заметно дрогнул, и со всех сторон потянулись тонкие струйки влаги. Они сплетались между собой, как серебристые нити, превращаясь в маленькую снежинку, которая тут же выросла в изящного ледяного оленя размером с ладонь.

Дети ахнули.

Олень поскакал по воздуху, оставляя за собой лёгкую изморозь, сделал круг над головами ребят и рассыпался сверкающей пылью. Малыши завизжали от восторга.

— Ещё! Ещё! — запрыгали они.

Артур поднялся и развёл руки. Над землёй закружились десятки крошечных ледяных искр. Они не таяли, а танцевали, как светлячки, и дети, смеясь, пытались их поймать.

Я стояла чуть в стороне и наблюдала.

Артур был красив той спокойной, ровной красотой, которая не бросается в глаза, но запоминается надолго. Узкое лицо с правильными чертами, светло-серо-голубые глаза, всегда серьёзные, многие бы назвали их холодными, но я точно знала, что это не так. Он был выше меня на полголовы, стройный, но не худой, с той особой выправкой, которая выдавала в нём человека, привыкшего к дисциплине. Лицо гладко выбрито, одежда опрятна даже после долгих переходов.

Я поймала себя на том, что слишком пристально его разглядываю, и отвела взгляд.

Дети продолжали возиться с ледяными искрами. Одна из девочек подбежала ко мне и дёрнула за рукав.

— А ты тоже можешь показывать фокусы?

Я улыбнулась:

— Нет. Мой дар другой.

— А какой?

Я задумалась. Как объяснить ребёнку, что твой дар — это чувствовать чужую силу, забирать её у умирающих и нести в себе, как угли в ладонях?

— Я помогаю тем, у кого есть дар, — ответила я наконец. — Чтобы им было не страшно.

Девочка кивнула с таким серьёзным видом, будто всё поняла, и убежала обратно к Артуру.

Павел появился неожиданно.

— Ну и цирк вы тут устроили, — раздался его голос за моей спиной.

Я обернулась. Он стоял, скрестив руки на груди, и усмехался, глядя, как Артур разгоняет ледяную пыль, которая оседала на плечах визжащих детей.

— Завидуешь? — спросила я.

— Ещё чего. Мой огонь детям не показать. Пожар потом тушить всем отрядом.

Я тихо рассмеялась. Павел выглядел как всегда: высокий, широкий в плечах, с короткими тёмными волосами и лёгкой небритостью на загрубевшем лице. Он не был красив в классическом смысле — его лицо было слишком жёстким, слишком суровым, — но в нём чувствовалась сила, на которую хотелось опереться. Тёмно-зелёные глаза с золотистыми вкраплениями всегда смотрели прямо, не отводя взгляда.

За плечами у него, как всегда, был меч. С ним он не расставался даже на территории общины.

— Как там дела? — тихо спросила я.

— Поговорил с дозорными. Обстановка напряжённая. Люди шепчутся. Многие уже слышали про вечернее заседание.

— Быстро разносятся новости.

— Стараниями Алексея, — Павел усмехнулся уголком рта. — Ладно, давайте дальше. Хочу зайти к Дамиру.

Артур попрощался с детьми, пообещав вернуться и показать «настоящую ледяную бурю». Малыши не хотели отпускать его, но в конце концов разбежались по своим делам.

Мы направились к медзоне.

Медицинский сектор располагался в нескольких приземистых зданиях, окружённых невысоким забором. Здесь всегда пахло травами, дымом и чем-то горьковатым — настойками, которые Лина и другие медработники готовили в свободное время. Внутри было чисто, но бедно: узкие кровати, деревянные тумбочки, серые одеяла.

Дамир лежал у окна.

Увидев нас, он попытался приподняться, но поморщился и снова откинулся на подушку.

— Лежи, — велела я, присаживаясь на край его кровати.

— Да я и рад бы встать, — он усмехнулся, но улыбка вышла бледной. — Лина не пускает.

— И правильно делает, — отозвался Павел, встав в ногах кровати. — Куда тебе вставать?

Ты едва не остался без ноги.

— Зато вторая цела.

Артур придвинул табурет и сел рядом.

— Как себя чувствуешь?

— Как человек, который проиграл хвосту. Обидно.

Мы негромко рассмеялись. Дамир всегда умел поднимать настроение, даже лёжа с перевязанной ногой.

Вскоре в палату вошла Лина.

— Так, посетители, — она упёрла руки в бока. — У меня тут не проходной двор.

Лина была невысокой, с тёмными волосами, собранными в хвост, и цепкими карими глазами. От неё пахло сушёными травами и медицинским спиртом. Она выглядела уставшей, но держалась ровно.

— Мы ненадолго, — пообещала я.

— Вот и хорошо. Потому что Дамиру нужен отдых.

За её спиной мелькнула Нора. Она бесшумно проскользнула в палату и встала у стены, скрестив руки. Её лицо было бледным, а под глазами залегли тени. Нора почти не спала в последние дни — я знала это.

— Как дозорный? — спросил Павел.

— Кисть не спасти, — тихо ответила Лина. — Но жизнь вне опасности. Главное, что бы не было заражения. От меня тут уже ничего не зависит.

— Это уже хорошо, — сказала я.

Лина кивнула, но в её глазах читалось сомнение. Она помедлила, переглянулась с Норой, и та едва заметно качнула головой.

— Что такое? — спросила я.

Лина вздохнула и прикрыла дверь палаты.

— Яна, мы должны тебе кое-что сказать, — начала она, понижая голос. — Это насчёт взрыва. Насчёт того парня.

Я напряглась.

— Говори.

Нора оттолкнулась от стены и шагнула ближе.

— Я не знаю, как объяснить, — заговорила она тихо. — Но я слышала кое-что. Слухи. Они бродят в общине. Сначала я не придавала значения, но потом... — она замялась. — Понимаешь, он не должен был взорваться. Совсем.

— Почему ты так думаешь? — спросил Артур.

— Потому что он искал меня, — вмешалась Лина. — В ту ночь он пришёл к лазарету. Его видели. Он был спокоен, пусть и испуган. Но он не выглядел, как человек на грани.

— Дар у него был нестабилен? — спросила я.

— В том-то и дело, — Нора поёжилась. — Все, кто видел его в последние дни, говорят, что он был в порядке.

— Но выброс же случился, — нахмурился Павел.

— Да. Именно. Случился внезапно. Будто его... подтолкнули.

В палате повисла тишина.

— Подтолкнули? — переспросила я.

Нора посмотрела на меня. В её глазах был страх.

— Я не знаю, возможно ли такое. Но ходят слухи, что кто-то из совета разговаривал с парнем за несколько часов до взрыва. И будто после этого разговора он сорвался и побежал к северным воротам.

Я медленно выдохнула.

— Кто разговаривал?

— Этого я не знаю.

Артур поднялся. Его лицо осталось спокойным, но я видела, как напряглись его плечи.

— Если это правда, — произнёс он, — то мы имеем дело не с несчастным случаем.

— А с убийством, — закончил Павел.

Мы молчали, глядя друг на друга. В палате было тихо, только слышно было, как за окном ветер шуршит листьями.

— Нужно выяснить, кто говорил с парнем, — сказала я. — И о чём.

— Только осторожно, — предупредила Лина. — Сейчас не время для открытых обвинений. Особенно перед советом.

— Знаю, — я поднялась. — Но, если кто-то довёл его до выброса... это меняет всё.

Мы попрощались с Дамиром, который уже задремал, и вышли из медзоны. Вечер приближался. Тяжёлый, тёмный, полный невысказанных обвинений.

До заседания оставалось совсем немного времени.

Глава 6. Совет

Зал заседаний находился в самом центре общины — в бывшем клубном здании, которое пережило Катастрофу и до сих пор держалось, подлатанное деревом, глиной и найденным в руинах железом. Здесь пахло воском, пылью и ещё чем-то неуловимым — может, тревогой, которая скопилась в этих стенах за последние дни.

Когда мы вошли, зал уже был полон.

Тридцать человек — почти весь совет. Люди сидели за длинным столом, расставленным буквой «П». Кто-то тихо переговаривался, кто-то пил травяной отвар из глиняных кружек. На стенах дрожали тени от масляных ламп. Окна были открыты, но вечерний воздух не спасал от духоты — слишком много людей, слишком много напряжения.

Я заняла своё место между Павлом и Артуром. По правую сторону от нас сидел Виктор. Он коротко кивнул, и я заметила, как в его глазах что-то мрачно блеснуло. По левую — Мария, прямая, как струна, с бесстрастным лицом.

Алексей сидел напротив.

Он встретил мой взгляд и улыбнулся — вежливо, почти дружелюбно. Будто мы были старыми знакомыми, которые случайно оказались по разные стороны баррикад. Я не ответила на улыбку.

— Итак, — поднялся со своего места один из членов совета, сухопарый мужчина с залысинами, — давайте начнём. Все в сборе.

Это был Николай.

Я знала его давно. До Катастрофы он занимался какими-то делами, связанными с торговлей. Умел говорить гладко, убедительно, и никогда не лез на рожон. Обычно он держался в тени, поддерживая то одного, то другого, в зависимости от выгоды. Но сейчас он выглядел как человек, который долго ждал своего часа.

— Думаю, все понимают, почему мы собрались, — продолжил он, обводя зал глазами. — То, что произошло на прошлой неделе, заставило нас задуматься. Не только нас — всех жителей общины.

Он сделал паузу, будто давая словам осесть.

— Мы потеряли человека. Молодого, напуганного, не сумевшего справиться с тем, что в нём проснулось. И, что ещё страшнее, от этого пострадали другие люди. Обычные люди, которые просто стояли на посту.

По залу прокатился тихий ропот.

— Николай, — негромко произнёс Виктор, — к чему ты клонишь? Трагедия случилась. Мы все скорбим. Но это не повод для собрания в такой час.

— Это повод обсудить, что делать дальше, — парировал Николай. — Потому что, если мы ничего не сделаем, следующая такая трагедия может оказаться куда страшнее.

— Что ты предлагаешь? — спросила Мария, и в её голосе прозвучал ледяной вызов.

Николай посмотрел на неё с лёгкой укоризной.

— Я предлагаю подумать о людях. О тех, кто не обладает даром. О тех, кто работает в поле, стоит на посту, растит детей. Они хотят жить спокойно. А сейчас они боятся. И этот страх, — он поднял палец, — можно понять.

— Страх не рождается на пустом месте, — подал голос кто-то из совета.

— Верно, — кивнул Николай. — И мы не должны отмахиваться от него. Поэтому я считаю, что нам нужно обсудить меры, которые защитят всех. Не только одарённых, но и обычных людей.

— Какие меры? — спросила я.

Взгляд Николая метнулся ко мне. На мгновение в нём мелькнуло что-то — не враждебность, но настороженность.

— Например, — он говорил медленно, тщательно подбирая слова, — создать комиссию. Которая будет помогать одарённым, — он выделил это слово, — адаптироваться. Следить, чтобы их дар оставался под контролем. Чтобы они могли вовремя получить помощь.

— У нас уже есть такая помощь, — сказал Павел. — Яна. Отряд. Мы занимаемся этим.

— Но вас часто нет в общине, — мягко заметил Николай. — Вы уходите в рейды. Неделями. А что делать тем, кто остаётся здесь? Куда им идти?

— Здесь есть другие одаренные. Они тоже могут помочь. Подсказать и направить.

— У них есть свои задачи. И в отличие от Яны, они не смогут распознать опасность заранее. Ты и сам это знаешь, Павел.

В зале снова зашептались. Я чувствовала, как настроение собравшихся склоняется не в нашу пользу. Не потому, что Николай говорил что-то чудовищное, а потому, что в его словах была простая, понятная логика.

— Мы не предлагаем ничего радикального, — продолжил Николай, и в его голосе появилась вкрадчивость. — Только систему. Прозрачную, понятную. Одарённые будут знать, к кому обратиться. А обычные люди будут знать, что всё под контролем.

— Под контролем, — повторил Артур. — Чьим?

Николай улыбнулся:

— Совета, разумеется.

Вот оно. Всё, как мы и предполагали. Комиссия под контролем совета — это рычаг. Мягкий, незаметный, но очень эффективный. Сначала помощь. Потом обязательная отчётность. Потом — ограничения.

— А что будет, если одарённый откажется вступать в эту комиссию? — спросила я.

Николай развёл руками:

— Зачем же отказываться? Если человеку нечего скрывать, ему нечего бояться.

По залу прокатился одобрителный гул. Я почувствовала, как внутри закипает бессильная злость. Он всё поворачивал так, что мы выглядели подозрительно.

— Позвольте мне, — Виктор поднялся.

Он был старше большинства здесь, и к его словам пока ещё прислушивались.

— Николай говорит о страхе, — начал он неспешно. — О том, что люди боятся. И я понимаю этот страх. Правда понимаю. — Он обвёл зал взглядом. — Но давайте вспомним, благодаря кому наша община живёт так, как живёт.

Он сделал шаг вперёд.

— Пятнадцать лет. Пятнадцать лет одарённые ходят за стены. Приносят ресурсы. Защищают нас. Вытаскивают наших людей из-под завалов. Лечат. Находят безопасные пути. Благодаря им мы едим. Благодаря им мы живы.

— Никто не спорит с этим, — вставил Николай.

— А я и не говорю, что спорите, — усмехнулся Виктор. — Я просто хочу, чтобы мы помнили: за все эти годы не было ни одного случая, когда одарённый сознательно навредил общине. Ни одного. А теперь из-за одного несчастья вы готовы надеть на них удавку.

— Это не удавка, Виктор, — мягко произнёс Алексей.

Впервые за вечер он подал голос. Все повернулись к нему.

— Мы говорим не о наказании, — продолжил он, глядя на Виктора с тем же спокойным участием. — Мы говорим о заботе. О том, чтобы ни один одарённый не остался один на один со своей силой. Чтобы ни один обычный житель не боялся за свою семью. Разве это неправильно?

Виктор не ответил. Алексей улыбнулся, и от этой улыбки у меня по спине пробежал холод.

— Я поддерживаю Николая, — сказал один из членов совета.

— И я, — подхватил другой.

— Комиссия — это разумно.

Я видела, как тают наши позиции. Ещё немного — и голосование пройдёт без нас.

Павел поднялся.

— Хватит.

В зале стало тихо.

— Вы все сидите здесь и спорите о том, опасны ли мы, — его голос прозвучал низко и тяжело. — Вы придумываете комиссии, правила, ограничения. А вы знаете, что творится за стенами?

Он обвёл совет взглядом.

— Твари подходят к самым воротам. Они бродят вокруг, как будто изучают нас. А тёмные, — он сделал паузу, — тёмных видели у водохранилища. В двух днях пути.

По залу пронёсся тревожный шёпот.

— И что вы делаете? — продолжил Павел. — Вместо того чтобы готовиться к обороне и решать реальную проблему, вы делите власть. Вместо того чтобы думать, почему тёмные пришли, вы решаете, как держать нас на цепи.

— Павел, — попытался перебить Николай.

— Нет, — резко оборвал он. — Это вы меня послушайте. Если бы тёмные подошли к стенам вплотную, вы бы все побежали к нам. К тем самым одарённым, которых сейчас так боитесь. Потому что только мы можем защитить вас.

В зале повисла тишина.

— Мы не оспариваем вашу пользу, — осторожно начал Алексей. — Но сейчас речь не об угрозах извне. Речь о том, как нам жить внутри.

— Всё связано, — отрезал Павел.

— Возможно, — Алексей склонил голову. — Но давайте решать проблемы по мере их поступления. Сейчас перед нами стоит вопрос о комиссии.

— А тёмные пусть подождут, да?

— Они не подходили к стенам, — спокойно ответил Алексей. — И не нападали. А выброс случился. Здесь. Внутри. И он уже причинил людям вред.

И в этом была вся его сила. Он не спорил с фактами. Он просто поворачивал их так, как ему было нужно.

— Голосуем, — предложил Николай.

— Подожди, — Виктор встал. — Давайте хотя бы обсудим это без спешки.

— Сколько ещё ждать? — подал голос кто-то из дальнего конца стола. — Пока не рванёт кто-то ещё?

— Вот именно, — поддержали его.

Я жала край столешницы. Всё шло к тому, что решение примут прямо сейчас. Я чувствовала, как Артур напряжён рядом. Как Павел, не садясь, всё ещё стоял, готовый спорить.

— Хорошо, — тихо сказала я.

Все повернулись ко мне.

— Создавайте свою комиссию, — произнесла я, глядя на Алексея. — Но в её составе должны быть одарённые. И решения она не принимает без нас.

Алексей улыбнулся.

— Разумеется. Мы и не думали иначе.

Я перевела взгляд на Николая. Тот кивнул.

— Тогда давайте сформулируем предложение и проголосуем, — сказал он.

Дальше началось обсуждение деталей. Я почти не слушала. Комиссия, её полномочия, состав, отчётность — всё это проносилось мимо, как шум дождя за окном.

Я думала о том, что мы проиграли первый раунд.

Глава 7. Сборы

Утро после совета выдалось тихим.

Я проснулась позже обычного. Сон был тяжёлым, вязким, без сновидений — из тех, что не дают отдыха, а только крадут время. За окном висела всё та же белёсая пелена, но воздух стал прохладнее, и пахло приближающимся дождём.

Сегодня мы снова уходили за стену.

Решение приняли быстро, ещё вчера вечером, когда вышли из зала. Павел был мрачен и зол, Артур — сосредоточен и молчалив. Я понимала их обоих. После того, как совет проголосовал за комиссию, оставаться в общине и ждать, пока Алексей сделает следующий шаг, было невыносимо.

Мы решили выдвинуться к водохранилищу. Туда, где видели тёмных.

Перед уходом нужно было собраться, проверить снаряжение, дать указания. И — что не менее важно — попрощаться со своими.

Жилой квартал одарённых находился в северо-западной части общины, у самой стены. Здесь дома стояли чуть просторнее, чем в остальных секторах, но не потому, что одарённым давали привилегии, а потому, что мы чувствовали энергию друг друга и слишком тесное расположение вызывало никому не нужное напряжение.

Я шла по узкой улочке, мимо знакомых домов. У одного из них возилась с грядками Эва. Её тёмные волосы были заплетены в небрежную косу, руки по локоть в земле. Рядом с ней сидел на корточках мужчина — Стас, ее муж, — и подавал ей семена из холщового мешочка. Стас была из обычных, без дара, но Эва всегда говорила, что это не важно. Главное, что она чувствует.

— Доброе утро, — поздоровалась я.

— Утро, — Эва подняла голову и улыбнулась. — Ты как?

— Нормально. Собираемся.

— Я слышала, — Ида, стоявшая у забора, отряхнула ладони. Она жила в доме напротив и часто приходила к Эве с утра — помогала с грядками или просто сидела рядом. — К водохранилищу?

— Да.

Ида помолчала, глядя на меня.

— Я хочу с вами.

— Мы решили взять половину отряда, — покачала я головой. — Тебе стоит отдохнуть в общине.

— Я могу принести больше пользы, если пойду с вами, — перебила Ида мягко, — я буду нужнее там.

Я вздохнула. Ида всегда была настойчивой. Её дар — видеть следы прошлого — в последнее время стал особенно полезен. Она умела читать то, что оставляли после себя тёмные. И если у водохранилища остались хоть какие-то знаки, Ида поможет их понять.

— Хорошо, — сдалась я. — Идешь с нами.

— Спасибо.

Эва улыбнулась шире и снова склонилась над грядками. Её дар работал мягко, почти незаметно: ростки под её пальцами наливались зеленью, распрямлялись, тянулись к свету.

— Береги себя там, — негромко сказал Стас, глядя на меня.

— Постараюсь, — ответила я.

Рэй нашёлся у общей кузни.

Он стоял у наковальни, в фартуке, прожжённом искрами, и внимательно осматривал клинок — старый, но ухоженный. Рядом с ним крутился его младший брат Лёня — мальчишка лет

шестнадцати, вихрастый и любопытный. Он подносил Рэю инструменты, слушал объяснения и смотрел на него с нескрываемым восхищением.

— Доброе, — бросил Рэй, не оборачиваясь. — Павел просил подправить его меч. Говорит, после той стычки лезвие чуть повело.

— Это правда. Он вчера жаловался.

— Вот и приходится. — Рэй отложил клинок и повернулся ко мне. — Идём на вылазку?

— Да. Собираемся. Ты с нами.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение. Рэй не любил сидеть без дела.

— А можно мне с вами? — тут же встрял Лёня.

— Нет, — отрезал Рэй.

— Но я уже взрослый!

— Нет, — повторил он мягче, положив руку мальчишке на плечо. — Подрасти ещё немного. И не заставляй мать волноваться.

Лёня насупился, но спорить не стал. Только буркнул что-то под нос и отошёл в сторону.

— Ты хороший брат, — заметила я, когда мальчик скрылся за углом.

— Иногда, — усмехнулся Рэй. — Обычно я просто тот, кто запрещает ему лезть туда, куда не надо.

— Это и есть брат.

Он улыбнулся и снова склонился над клинком.

Арден и Саймон жили через два дома друг от друга. Я застала их на улице — они о чём-то спорили, размахивая руками, но, завидев меня, замолчали.

— Яна! — Саймон улыбнулся. — Что, уже выдвигаемся?

— Да. Вы оба идёте.

— Отлично, — Арден потянулся, разминая плечи. — А то я уже начал ржаветь без дела.

Они были полной противоположностью: Саймон — открытый, громкий, всегда с шуткой наготове; Арден — сдержанный, суховатый, похожий на натянутую пружину. Но в бою они действовали как единый механизм.

— Кто ещё с нами? — спросил Саймон.

— Марк, Рей, Том, Вера, Ида. Павел, Артур и я.

— Итого десять, — прикинул Арден. — Хорошее число.

— Надеюсь, — отозвалась я.

Из соседнего дома вышла женщина — мать Ардена, Ирина Григорьевна. Она была сухонькой, седой, но с удивительно ясными глазами. Несмотря на возраст, держалась прямо и двигалась быстро.

— Опять уходите? — спросила она, подходя ближе.

— Да, мам, — Арден наклонился и поцеловал её в щёку.

— Возвращайся, — она посмотрела на него строго. — И друзей своих возвращай.

— Обязательно.

Ирина Григорьевна перевела взгляд на меня и добавила уже мягче:

— Ты уж присмотри за ними, Яна.

— Присмотрю, — пообещала я.

Том жил с женой и двумя дочерьми.

Я зашла к нему, чтобы предупредить о сборе. Дверь была приоткрыта, и изнутри доносился детский смех. Том сидел на полу, а обе девочки — одной было лет шесть, второй не больше трёх — карабкались по нему, как по дереву, визжа от восторга.

— Тихо, тихо, — смеялся Том, — папу не уроните!

Его жена, Соня, стояла у стола, нарезаая овощи. Увидев меня, она улыбнулась:

— Проходи, Яна.

— Я на минуту, — я замялась в дверях. — Том, выходим через два часа.

— Понял, — Том поднялся, ссаживая дочерей на пол. Девочки тут же уцепились за его ноги.

— Папа уходит? — спросила старшая.

— Ненадолго, — он погладил её по голове. — А вы слушайтесь маму.

— Всегда слушаемся!

Соня подошла к мужу и обняла его. Они не были одарённой парой — Соня была из обычных. Но Том говорил, что именно она давала ему то, чего не мог дать дар. Покой.

— Береги себя, — прошептала она.

— Конечно.

Я вышла, оставив их прощаться.

Сбор назначили у западных ворот.

Когда я подошла, половина отряда уже была на месте. Павел стоял, проверяя крепления на своём мече. Артур разговаривал с Марком, склонившись над картой. Вера сидела на перевёрнутом ящике, прикрыв глаза. Ида тихо перебирала в руках амулеты, которые носила на поясе.

Меня встретили короткими кивками.

— Все знают маршрут? — спросила я.

— Идём к водохранилищу через восточный тракт, потом сворачиваем к реке, — отозвался Марк. — Два дня пути, если не будет задержек.

— Задержки будут, — хмыкнул Павел.

— Значит, три.

Я поправила ножны на бедре. Мой нож — простой, с костяной рукоятью — был единственным оружием, которое я носила. Я не умела обращаться с ним так, как Павел или Арден, но он не раз спасал мне жизнь.

— Выходим, — скомандовала я.

Ворота медленно открылись, и впереди показался тёмный лес. Мокрый, настороженный, живой.

Глава 8. Поход

Лес встретил нас тишиной.

Она была неполной, конечно. Где-то в вышине шумел ветер, запутываясь в кронах. Под ногами мягко пружинил мох. Пахло сырой землёй, прелыми листьями и чем-то сладковатым — так пахли цветы, которых я не видела, но которые, судя по всему, распустились совсем недавно.

Но эта тишина была обманчивой. Я слишком хорошо знала лес, чтобы верить ей.

Первые несколько километров прошли спокойно. Дорога, вернее, то, что от неё осталось, была знакомой: мы пользовались ею, когда уходили в восточном направлении. Асфальт давно взломался, превратившись в неровную тропу, кое-где исчезающую под корнями и мхом, но Марк вёл уверенно, лишь изредка сверяясь со своей картой.

Павел шёл впереди, чуть левее. Его меч был за спиной, но я знала: он в любой момент готов выхватить его. Пламя внутри него всегда было наготове.

Артур замыкал. Его шаги были почти неслышны, но я чувствовала его присутствие, как чувствуют тепло костра, даже не глядя на него.

Между нами, в середине, шли остальные. Вера двигалась бесшумно, сливаясь с тенями. Ида что-то тихо рассказывала Марку, и тот кивал, не отрывая взгляда от карты. Том то и дело останавливался, прислушиваясь к лесу, — его дар сейчас работал как у Норы, только по-другому: он не слышал, а чувствовал.

— Впереди ручей, — негромко произнёс Марк. — Перейдём и сделаем короткий привал.

— Хорошо, — отозвалась Артур.

Вода в ручье была ледяной и прозрачной. Мы напились, наполнили фляги. Том ушёл чуть в сторону, к зарослям, и замер, глядя вглубь леса.

— Что-то есть? — спросил Павел.

— Не знаю, — Том обернулся. — Животные ведут себя странно. Как будто чего-то ждут.

— Чего именно?

— Не понимаю. Но они напряжены. Даже птицы.

Я подняла голову. Ветви над нами были пусты. Обычно в это время года в лесу полно птиц — изменённых и обычных, — но сейчас небо молчало.

— Выдвигаемся, — скомандовал Артур.

Мы шли до самого вечера.

Лес становился гуще. Деревья здесь были выше, их стволы покрывал толстый слой мха, а корни, как щупальца, выпирали из земли, заставляя нас то и дело перебираться через них. В некоторых местах попадались остатки старых заборов, столбов, дорожных знаков — всё это было покрыто ржавчиной, оплетено лианами и выглядело так, будто простояло здесь не пятнадцать лет, а несколько веков.

Мир за стеной всегда казался мне древним. Он жил по своим законам, и человек в нём был не хозяином, а чужаком.

— Здесь заночуем, — Артур указал на небольшой участок, защищённый с двух сторон поваленными деревьями.

Место было удачным: не слишком открытое, но и не в низине, где скапливался туман. Мы быстро разбили лагерь. Рэй укрепил несколько веток, соорудив что-то вроде навеса. Вера накрыла нас маскировочным полем — не полным, но достаточным, чтобы сгладить наше присутствие. Павел разжёл небольшой костёр, прикрыв его камнями, чтобы свет не разносился далеко.

Саймон и Арден ушли на разведку.

Я сидела у костра, глядя, как огонь лижет сухие ветки. Рядом пристроился Марк, разложив на коленях карту. Он что-то чертил углём, делая пометки.

— Здесь раньше был посёлок, — сказал он, не поднимая головы. — Совсем небольшой. Если не сбились, к утру выйдем к нему.

— И что там?

— Руины. Но там можно пополнить запасы. Если, конечно, туда ещё никто не наведася.

— Или если нас там никто не ждёт, — тихо добавила Ида.

Она сидела по другую сторону костра, обхватив колени руками. Её лицо в отблесках пламени казалось бледным и каким-то отстранённым.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила я.

— Пока нет. Но это место... — она помолчала. — Не знаю. Просто тревожно.

— Здесь всем тревожно, — хмыкнул Саймон, выходя из темноты вместе с Арденом. — Лес сегодня слишком тихий.

— Это я уже слышала, — вздохнула я.

Арден присел у костра, протянув руки к огню.

— Вокруг чисто. Следов крупных тварей нет. Но что-то их распугало. Даже мыши попрятались.

— Может, это мы их распугали? — предположил Рэй.

— Мы не настолько страшные, — усмехнулся Саймон.

— Ты — да, а я нет, — парировал Арден.

Кто-то тихо засмеялся.

Я перевела взгляд на Павла. Он стоял у края лагеря, опираясь плечом о ствол дерева, и смотрел во тьму. Его лицо было серьёзным, сосредоточенным.

— Павел? — негромко позвала я.

Он не обернулся.

— Всё нормально. Просто... — он помедлил. — Слишком знакомое чувство. Как перед засадой.

— Ты тоже это чувствуешь? — я поднялась и подошла к нему.

— Да. И мне это не нравится.

Мы стояли рядом, глядя в тёмный лес. Где-то вдалеке, за деревьями, раздался одинокий крик ночной птицы — и оборвался, будто испугавшись собственного голоса.

— Сегодня дежури́м по двое, — сказала Артур. — Сначала Саймон и Арден, потом я с Павлом, и Рэй с Марком.

— Хорошо.

Павел наконец посмотрел на меня. В темноте его глаза казались почти чёрными, но где-то глубоко в них всё ещё тлели золотистые искры.

— Ты как? — спросил он тихо.

— Нормально.

— Ты всегда так говоришь.

Я усмехнулась:

— Артур говорит то же самое.

— Значит, мы оба видим больше, чем ты показываешь.

Я не ответила. Мы снова посмотрели в лес.

Ночь обещала быть длинной.

Мне не спалось.

Лежала с закрытыми глазами, слушая, как потрескивают угли, как дышит во сне Том, как ворочается под своим плащом Рэй. Сон не шёл — он снова сбежал, оставив после себя только вязкую, липкую тревогу.

Где-то за деревьями тихо переговаривались Саймон и Арден — их дежурство подходило к концу. Я слышала обрывки фраз, но не вслушивалась. Мысли крутились вокруг одного: что нас ждёт у водохранилища? И почему тёмные подошли так близко к общине?

Они никогда не делали ничего просто так.

Тёмные были... другими. Я не знала, разумны ли они в том смысле, в каком разумны люди. Но в их действиях всегда прослеживалась какая-то жуткая логика. Они приходили туда, где пахло энергией. Они охотились на одарённых. Они не строили, не говорили, не оставляли следов — только смерть и пустоту.

И вот теперь они стояли у водохранилища и смотрели в сторону общины. Чего они ждали?

— Не спится?

Я вздрогнула. Рэй сидел у костра, накинув на плечи плащ, и тихо помешивал угли палкой.

— Не спится, — согласилась я, поднимаясь.

Я пересела ближе к огню. Рэй подвинулся, уступая место. От него пахло дымом и железом — привычный запах кузнеца, который вьёлся в кожу, кажется, навсегда.

— Думаешь о тёмных? — спросил он.

— Обо всём сразу.

— Это плохо.

— Почему?

— Когда думаешь обо всём сразу, трудно заметить что-то одно.

Я усмехнулась:

— Это ты сам придумал?

— Нет, — Рэй пожал плечами. — Это ещё мой отец говорил. Он был кузнецом. Говорил: если разложишь внимание на десять молотов, ни один удар не выйдет точным.

— Мудрый был человек.

— Обычный. Просто жизнь его научила.

Мы замолчали. Огонь тихо потрескивал, выхватывая из темноты наши лица.

— Знаешь, — Рэй вдруг заговорил снова, тихо, почти шёпотом, — я иногда думаю, что мы зря ушли так далеко от общины.

— Ты о чём?

— О том, что совет там, внутри, делает своё дело. А мы здесь, снаружи, делаем своё. И между нами всё меньше общего.

Я посмотрела на него внимательно. Рэй редко говорил о таких вещах. Обычно он отмалчивался, предпочитая дело словам.

— Мы ушли, чтобы узнать правду, — сказала я.

— Правду о чём? О тёмных? Или о том, что происходит дома?

— И то, и другое.

Рэй покачал головой:

— Тёмные — это просто. Они враги. С ними всё ясно. А вот совет... — он подкинул в костёр ветку. — С ними ничего не ясно. И это пугает больше.

Я не ответила. Да и что тут ответить?

Правда была в том, что я и сама не знала, чего ждать от совета. Алексей был умён. Он не нападал открыто — он подтачивал, как вода камень. И мы, вместо того чтобы остаться и бороться, снова ушли. Может, поэтому он и действовал так уверенно: знал, что нас можно выманить, стоит только поманить загадкой за стеной.

— Нам нужно вернуться как можно быстрее, — тихо сказала я.

— Вернёмся, — пообещал Рэй. — Найдём то, за чем идём, и вернёмся.

Я промолчала. Мне все меньше нравился наш поход. К привычному напряжению нового мира добавилось что-то неуловимое и страшное, что чувствовал каждый член отряда. И это выматывало сильнее, чем реальная схватка.

Я вернулась на свое место и завернулась в одеяло. Уснуть не могла еще долго, но все же сон сморил меня, и я провалилась в тьму без сновидений.

Ночь прошла спокойно. Никто не появился из темноты. Но под утро я заметила, как Павел несколько раз сжимал и разжимал пальцы и между ними проскальзывали искры. Это было плохим знаком. Он слишком напряжен и с трудом справляется со своим даром.

Я подошла к нему.

Павел не обернулся. Он смотрел в темноту, но я видела: его плечи напряжены, челюсти сжаты, а пальцы то и дело сжимаются, будто он пытается удержать что-то невидимое. Искры проскакивали между ними — мелкие, злые, как крошечные разряды.

— Павел.

— Я в порядке, — отозвался он глухо.

— Врёшь.

Он усмехнулся уголком рта, но не ответил. Искры на его руках вспыхнули ярче, осветив на мгновение его лицо — жёсткое, усталое, с залёгшими под глазами тенями.

Я встала напротив него и протянула руку.

— Дай.

Павел покосился на мою ладонь.

— Я сам справлюсь.

— Нет. Тебе нужно выплеснуть. А здесь нельзя. Сам знаешь.

Он молчал. Я видела, как в его глазах мечется внутренняя борьба. Павел не любил, когда ему помогали. Особенно я. Особенно в такие моменты, когда его дар брал верх, и он чувствовал себя... слабым.

— Паш, — тихо позвала я.

Он выдохнул сквозь зубы и всё-таки подал мне руку.

Его ладонь была горячее, почти обжигающей. Я почувствовала, как внутри него всё кипит: огонь, запёртый в человеческой форме, рвался наружу, искал выход, лизал края контура. Это было похоже на перегревшийся котёл, готовый взорваться.

Я закрыла глаза.

Его энергия была сильной, яростной, с привкусом дыма и раскалённого металла. Она билась под моими пальцами, как дикое животное, загнанное в клетку. Я потянулась к ней — осторожно, мягко, как тянутся к раненому зверю.

— Тихе, — прошептала я. — Всё хорошо. Я рядом.

Пламя внутри него вздрогнуло. Я обхватила его своей силой, как ладонями обхватывают горящий уголёк, и начала понемногу вбирать излишки. Боль пришла не сразу — сначала просто жар, потом лёгкое покалывание, и только затем — глухая, тянущая боль в груди.

— Ты слишком напряжён, — сказала я, не открывая глаз. — Это не только из-за леса. Это из-за совета. Из-за того, что мы ушли.

— Мы должны были остаться, — глухо ответил он.

Я не знала, что ответить. Просто продолжала держать его силу, помогая ей выровняться. Чужой огонь был тяжёлым, злым, но постепенно, очень медленно, он начал успокаиваться. Искры на пальцах Павла погасли. Дыхание его выровнялось.

— Лучше? — спросила я, открывая глаза.

— Да.

Он смотрел на меня. В его тёмно-зелёных глазах больше не было того лихорадочного блеска, что пугал меня минуту назад. Только усталость. Глубокая, застарелая.

— Спасибо, — тихо добавил он.

Я кивнула.

— Не копи в себе. Если не можешь выплеснуть — приходи ко мне.

— Я помню об этом. Но это причиняет тебе боль.

Он всё ещё держал меня за руку. Я почувствовала, как его пальцы чуть сжались — не сильно, почти невесомо. Но этого хватило, чтобы по моей коже пробежал жар.

— Яна.

— Да?

Он помолчал.

— Если с тобой что-то случится...

— Не случится.

— Ты не можешь этого знать.

— Никто не может.

Он смотрел на меня долго, слишком долго. Потом отпустил мою руку и отвернулся к лесу.

— Рассвет скоро, — сказал он.

— Да.

Мы стояли рядом, пока небо не начало сереть. Никто не нарушал тишину. Даже лес, казалось, замер, прислушиваясь к чему-то.

Утро выдалось туманным и сырым. Лагерь сворачивали быстро, без лишних разговоров. Каждый был занят своим делом, но я замечала, как то и дело кто-то из наших бросает быстрые взгляды в лес. Напряжение, что копилось всю ночь, никуда не ушло. Оно просто затаилось.

— Идём к посёлку, — скомандовал Артур.

Глава 9. Взгляд в прошлое

Посёлок показался из тумана внезапно.

Когда-то это было небольшое поселение — десятка два домов, школа, магазин. Теперь от него остались только остовы: стены, заросшие плющом, крыши, провалившиеся под тяжестью лет, ржавые остовы машин.

Но не это заставило меня остановиться.

На стене одного из домов, у самой земли, были следы. Длинные, рваные борозды, как будто кто-то провёл по штукатурке когтями. И они были свежими.

— Всем стоять, — негромко скомандовал Павел.

Отряд замер.

Я медленно подошла ближе. Борозды были глубокими, края — ещё светлыми, не успевшими потемнеть от влаги. Такие следы не живут дольше пары дней.

— Тёмные? — тихо спросила Вера.

— Или очень большая тварь, — отозвался Артур.

Ида уже присела у стены. Её ладонь дрожала над бороздами, но она не касалась их, прикрыв глаза.

— Здесь была энергия, — прошептала она. — Очень сильная. И... нечеловеческая.

— Тёмные, — уже увереннее произнёс Павел.

Ида открыла глаза и посмотрела на меня. В её взгляде была тревога.

— Они были здесь не одни. Что-то ещё. Я не понимаю, что, но... они не просто шли. Они кого-то преследовали.

— Кого? — спросил Артур.

— Не знаю. Но тот, за кем они шли, был человеком.

Мы переглянулись. Если тёмные преследовали человека — значит, где-то здесь, среди этих руин, мог быть выживший. Или то, что от него осталось.

— Обыщите дома, — скомандовал Артур. — Тихо. И не рассредоточиваться слишком далеко.

Отряд двинулся вглубь посёлка.

Дома встречали нас пустотой.

Мы двигались осторожно, парами и поодиночке, стараясь не упускать друг друга из виду. Туман здесь, среди руин, стал ещё гуще: он стелился по земле, забирался в провалы окон, оседал влажной плёнкой на уцелевших стенах. Каждый шаг отдавался гулко, как в пустом колодце.

Первый дом был почти цел — только крыша провалилась внутрь, утянув за собой часть второго этажа. Внутри пахло гнилью и сырой штукатуркой. Мебель, вернее, то, что от неё осталось, лежала вперемешку с обломками досок и каким-то старым хламом.

— Пусто, — тихо сказал Саймон, появляясь из дверного проёма.

— Здесь тоже, — отозвался Арден от соседнего строения.

Мы шли дальше. У каждого дома повторялось одно и то же: пустые комнаты, осыпавшиеся стены, следы прежней жизни, которая оборвалась пятнадцать лет назад.

Но чем дальше мы продвигались, тем сильнее я чувствовала что-то. Смутное, едва уловимое, как звон в ушах после долгой тишины.

— Стойте, — вдруг остановилась Ида.

Она замерла у входа в одноэтажное здание, которое когда-то, судя по вывеске над покосившейся дверью, было чем-то вроде местного магазина.

— Что? — Павел мгновенно оказался рядом.

— Там, — Ида указала на пол, засыпанный обломками. — Что-то есть. И это... не отсюда. Мы переглянулись.

— Саймон, Арден, останьтесь здесь, — распорядился Артур. — Рэй, прикрой вход. Остальные — за мной.

Мы вошли внутрь.

Внутри магазина было темно и душно. Свет пробивался только через щели в заколоченных окнах, рисуя на полу косые полосы. Под ногами хрустело стекло и какой-то мусор. Пахло пылью, старой бумагой и ещё чем-то — сладковато-приторным, как разлагающаяся органика.

— Здесь кто-то был, — тихо произнесла Вера, оглядываясь. — Недавно.

— Почему ты так думаешь?

— Воздух. Он... потревожен.

Ида присела у дальней стены. Под её ладонями, не касаясь поверхности, воздух едва заметно задрожал. Она замерла, прикрыв глаза.

— Здесь спали, — прошептала она. — Один человек. Он был ранен. И он боялся.

— Ранен? — переспросила я.

— Да. Рана на ноге. Или на боку. Не могу понять. Но он уходил отсюда быстро. Очень быстро.

— Когда? — спросил Артур.

— Не знаю. Несколько дней назад. Может, неделю.

Павел прошёлся по помещению, внимательно осматривая пол. В углу, у перевернутого стеллажа, он наклонился и поднял что-то с пола.

— Смотрите.

Это был обрывок ткани. Грязный, пропитанный засохшей кровью, но всё ещё различного серо-зелёного цвета. Такие повязки носили наши разведчики.

— Из общины? — нахмурился Артур.

— Не обязательно, — покачала я головой. — Ткань могла быть найдена где угодно.

— Но это не одежда, это бинт, — Павел повертел обрывок в руках. — Им перевязывали рану. И сняли здесь.

— Кто-то из чужих? — предположил Рэй, заглядывая внутрь.

— Или из наших, кто не дошёл, — тихо сказала Вера.

Внутри всё сжалось.

— Ида, — я присела рядом с ней. — Ты можешь узнать больше? Куда он пошёл? Что с ним случилось?

Ида помолчала. Её лицо было напряжённым, на висках выступила испарина.

— Я вижу только следы, — произнесла она наконец. — Он жил здесь какое-то время. Потом пришёл кто-то ещё. Тёмные. Они нашли его. Он бежал. — Она вдруг распахнула глаза. — Он бежал к воде.

Я видела, чего ей это стоит. Её дар сейчас работал на пределе: слишком сильный отпечаток, слишком много чужого страха, слишком тёмное место. Ещё немного — и её захлестнёт.

— Ида, посмотри на меня, — тихо сказала я.

Она повернула голову. В её глазах плясали тени — не отражение света, а что-то чужое, прилипшее к ней из прочитанных следов.

— Я хочу, чтобы ты увидела больше, — я взяла её за руку. — Ты сможешь. Но я буду рядом.

Ида сглотнула и кивнула.

Я закрыла глаза и потянулась к ней — не к её телу, а к тому, что было внутри. Её дар ощущался как тонкая дрожащая нить, натянутая до предела. Я вложила в неё немного своей силы — совсем чуть-чуть, как подливают масла в гаснущую лампу.

Ида вздрогнула. Её ладонь в моей руке стала холодной.

— Я вижу... — прошептала она. — Вижу. Он бежал не один. С ним был кто-то. Маленький. Ребёнок.

— Ребёнок? — переспросил Артур.

— Да. Он нёс его на руках. И тёмные шли за ними. По пятам.

Её голос стал прерывистым, дыхание — частым. Я почувствовала, как её сила начинает пульсировать слишком быстро, как захлёбывается в потоке чужих образов.

— Ещё немного, — прошептала я. — Что было дальше?

— Вода. Они дошли до воды. И там... — Ида вдруг замерла, распахнув глаза. — Пустота. След обрывается. Будто их забрали. Или они вошли в воду и не вышли.

— Кто забрал?

— Не знаю. Что-то... светлое. Или нет. Я не понимаю!

Её голос сорвался. Я почувствовала, как её дар захлёстывает её, как чужие эмоции накрывают с головой — страх, боль, отчаяние. Ещё секунда, и Ида потеряет себя.

— Всё, Ида. Возвращайся.

Я потянула её силу обратно — мягко, но настойчиво. Забрала излишки, которые сама же и вложила, а вместе с ними — часть той чужой энергии, что прилипла к ней из следов. Это было больно. Не так, как при полном поглощении, но достаточно, чтобы перед глазами потемнело, а к горлу подкатила тошнота.

Ида обмякла, навалившись на меня. Артур подхватил её с другой стороны.

— Тише, — прошептала я, сжимая её похолодевшие пальцы. — Ты молодец. Ты справилась.

Она дышала тяжело, ловя воздух ртом. По щекам текли слёзы — не её собственные, а те, что остались от чужого страха.

— Прости, — выдохнула она.

— Тебе не за что извиняться, — я мягко улыбнулась, хотя у самой темнело в глазах.

Павел уже был рядом. Он молча поднес мне флягу с водой.

— Пей. Медленно.

Я сделала глоток, потом ещё. Руки у меня дрожали, но взгляд постепенно прояснялся.

— Я видела ребёнка, — тихо сказала Ида, глядя перед собой. — Ему было не больше пяти. Может, меньше. Мужчина нёс его на руках. И он... он был ранен. Сильно ранен.

— А ребёнок? — спросила Вера.

— Кажется, нет. Но он был очень напуган.

— Они дошли до воды, — напомнил Артур. — И что дальше?

Ида покачала головой:

— Не знаю. След обрывается. Будто их не стало. Или их забрали.

— Тёмные?

— Нет. Что-то другое. Я не поняла.

Я переглянулась с Артуром. Он был так же озадачен, как и я.

— Нужно идти к водохранилищу, — сказала я. — Только там мы узнаем, что произошло.

— Ты сможешь идти? — негромко спросил Павел, глядя на меня.

— Да.

Он не стал спорить. Просто молча пошел рядом со мной, готовый в любой момент меня подхватить.

— Выдвигаемся, — скомандовал Артур. — Идём быстро и тихо. Если там кто-то есть, мы должны увидеть их раньше, чем они увидят нас.

Глава 10. Новые открытия

Дорога к воде заняла несколько часов.

Лес постепенно редел, уступая место кустарнику и высокой, по пояс, жёсткой траве. Идти стало легче, но и опаснее: здесь, на открытых участках, мы были как на ладони. Вера шла впереди, накрывая нас лёгким маскировочным полем, но я знала — от тёмных это спасёт лишь ненадолго.

Воздух изменился. В нём появился запах застоявшейся воды, тины и чего-то горьковатого, как полынь. Водохранилище было уже близко.

— Стой, — негромко произнёс Марк.

Все замерли.

— Дальше открытое пространство, — он кивнул вперёд. — Дамба и вода. Укрытий почти нет.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросил Артур у Иды.

Она покачала головой. После недавней перегрузки Ида была бледна, но держалась ровно.

— Пока ничего. Но здесь... я не знаю. Пусто. Слишком пусто.

— Как в том посёлке, — добавил Том. — Животных нет. Даже насекомых не слышно.

Я переглянулась с Павлом. Он едва заметно кивнул и положил ладонь на рукоять меча.

— Идём цепью, — скомандовал Артур. — Не растягиваться. Вера, прикрой нас. Том, Рэй — по флангам. Ида и Марк — в центр. Саймон, Арден — со мной.

Мы двинулись.

Дамба показалась из-за последних деревьев внезапно. Серая, потрескавшаяся, она всё ещё держалась, хотя вода в некоторых местах прорвала старые шлюзы. Само водохранилище лежало перед нами — огромное, мёртвое, с тёмной неподвижной гладью, отражающей низкое небо.

— Никого, — тихо произнесла Вера.

— Это хуже всего, — отозвался Павел.

Мы медленно спустились к кромке воды. Земля здесь была влажной, чавкала под ногами. То тут, то там из грязи торчали обломки: лодочный причал, перевернутая вышка, ржавые перила.

Ида вдруг остановилась.

— Здесь.

Она указала на участок берега, где трава была примята, а в грязи виднелись следы — человеческие, глубокие, уходящие к воде.

— Он бежал сюда, — прошептала Ида. — С ребёнком на руках. Остановился здесь.

— А дальше? — спросила я.

Она прикрыла глаза, но через мгновение покачала головой:

— Ничего. След обрывается. Будто его подняли в воздух.

— Тёмные так не делают, — нахмурился Артур.

— Может, это не тёмные, — тихо сказал Рэй.

Мы переглянулись. Версий не было. За пятнадцать лет мы не встречали никого, кроме тёмных, изменённых тварей и таких же выживших, как мы. Но чтобы кто-то забирал людей прямо с берега...

— Смотрите, — вдруг позвал Саймон.

Он отошёл чуть правее, туда, где у воды лежала опрокинутая лодка. На её борту, на уровне человеческой груди, темнело пятно.

— Кровь, — сказал Павел, подходя ближе.

— Он был ранен, — кивнула я. — Сильно. Оставлял след.

— Но не дошёл до воды, — Артур нахмурился. — След обрывается раньше.

Ида снова закрыла глаза. Её лицо исказилось от напряжения, но она держалась.

— Что-то пришло сверху, — прошептала она. — Или из-под воды. Я не вижу. Но это было... быстро. Очень быстро.

Том, стоявший у самой кромки, вдруг отступил на шаг.

— Там что-то есть.

Мы все уставились на воду. Гладь была неподвижной, тёмной, как нефть. Но через мгновение я увидела: в нескольких метрах от берега, у самого дна, что-то слабо светилось.

— Артур, — тихо позвал Павел.

Тот уже вытянул руку. Вода у берега дрогнула, пошла рябью, и медленно, словно нехотя, расступилась, обнажая дно.

На дне, в вязком иле, лежал предмет. Небольшой, тускло мерцающий.

— Это ещё что? — прошептал Рэй.

Артур усилил напор, и вода отступила ещё дальше. Теперь мы видели ясно: на дне лежал кулон. Простой, на потемневшей цепочке, с мутным камнем в центре. Он был чужой. Не из наших краёв.

— Не трогайте, — предостерёг Артур. — Может быть ловушкой.

— Или ключом, — тихо сказала Ида.

Она смотрела на кулон, не отрываясь, и в её глазах снова заплясали тени.

— Яна, — она повернулась ко мне. — Этот предмет... он не отсюда.

— Из другого места?

— Из другого мира.

Повисла тишина.

— О чём ты? — нахмурился Павел.

— Я не знаю, как объяснить. Но у этого предмета нет прошлого в нашем мире. Он просто... появился здесь. Будто упал с неба.

— Как Катастрофа, — прошептала Вера.

Мы все разом посмотрели на кулон.

— Забираем его, — решил Артур. — Аккуратно. Рэй, сможешь укрепить, чтобы не рассыпался?

— Попробую.

Рэй присел у кромки, вытянул руки. Под его ладонями ил вокруг кулона подёрнулся лёгкой коркой, и предмет осторожно, как в коконе, поднялся на поверхность.

— Держите, — Рэй поднялся, протягивая его мне.

Я приняла кулон. Он был холодным, тяжёлым и пах тиной. Но где-то внутри, под слоем грязи, в нём теплилась чужая энергия. Слабая, едва различимая.

— Уходим, — скомандовала я. — Здесь нельзя оставаться.

Мы двинулись обратно, к лесу. Вода за нашей спиной снова сомкнулась, поглотив и лодку, и следы, и всё, что случилось на этом берегу.

Но кулон, завёрнутый в тряпку у меня за поясом, жёг холодом даже через ткань.

Мы успели дойти до первых деревьев, когда лес взорвался.

Сначала — треск кустов, потом низкий, утробный рык, и из зарослей, ломая ветки, вылетела тварь. Огромная, размером с быка, с бугристой серой шкурой и тремя рядами зубов в разинутой пасти. За ней — вторая, третья. Всего я насчитала девять существ. Я даже представить не могла, кем они были раньше.

Они наступали быстро, молча, и только когти рвали землю, как ножи.

— Засада! — рявкнул Павел.

Он выхватил меч, и лезвие в его руке вспыхнуло огнём, осветив перекошенные морды тварей.

Артур уже разворачивался, выставляя руку. Между отрядом и первой тварью встала ледяная стена — вспыхнула из влажного воздуха, выросла за секунду. Тварь врезалась в неё, замотала башкой, и от удара по льду пошли трещины.

— Они прорвут! — крикнул Рэй.

— Саймон, Арден, на фланги! — командовал Артур. — Вера, Ида, Марк к центру!

Я метнулась назад, к Иде и Марку. Вера уже была рядом, её глаза горели, и воздух вокруг нас подёрнулся дымкой — она накрывала нас маскировочным полем.

— Слишком быстро! — прошептала она. — Они чувствуют запах.

— Значит, не прячемся. Бьём.

Том вскинул руку. Первая тварь, та, что билась в ледяную стену, вдруг замерла, запрокинула башку и издала короткий, жалобный вой. Её мышцы свело судорогой, она отступила на шаг.

— Не могу держать! — выкрикнул Том. — Они слишком агрессивные!

— Держи, сколько сможешь!

Арден уже бежал вдоль стены, пригнувшись. Его кинжал блеснул в тусклом свете. Как только ледяная стена кончилась, он прыгнул и ударил — не куда попало, а точно в основание шеи ближайшей твари, где шкура была тоньше. Тварь захрипела и рухнула.

— Ещё две слева! — голос Иды.

Вторая тварь вылетела из-за деревьев, целясь в Саймона. Тот встал, широко расставив ноги, принял удар. Энергия в его теле закрутилась вихрем, и через мгновение тварь отлетела назад, сметая кусты.

— Не подходи! — рявкнул Саймон, выдохнув накопленную силу.

Третья тварь бросилась на Артура. Он не успевал поставить вторую стену. Но между ними уже стоял Павел.

Огонь и лёд встретились.

Павел ударил снизу вверх, и тварь, получив пламенем по морде, визгнула и отшатнулась. Артур тут же добил её ледяным копьём, вырвавшимся из его ладони.

— Отходим! — скомандовал Артур. — Не дайте им окружить нас!

Мы начали отступать к лесу. Я краем глаза видела, как Рэй укрепил ствол ближайшего дерева, и оно, подрубленное под корень, рухнуло, перекрыв тварям путь.

— Туда, за бревно! — крикнул он.

Мы перебрались через упавший ствол. Твари лезли следом, но Вера вскинула руки, и воздух перед ними подёрнулся, искажая пространство. Две из них затормозили, сбитые с толку. Третья продолжала лезть.

— Яна, не высовывайся! — рыкнул Павел, но я уже бежала к Тому.

Он стоял на одном колене, зажимая ладонью бок. Его лицо было серым, дыхание — частым.

— Том!

— Пустяк. Царапина.

— Дай посмотрю.

Кровь текла сквозь пальцы — тварь всё же достала его когтями. Я стянула с пояса бинт, прижала к ране.

— Потом Лина посмотрит. А пока держи.

— Порядок, — он выдавил бледную улыбку. — Бывало и хуже.

Бой закончился так же внезапно, как начался. Оставшиеся твари, потеряв половину стаи, отступили в лес, растворившись между деревьями. Только примятая трава, кровь на земле и тяжёлое дыхание отряда напоминали о том, что здесь произошло.

— Все целы? — спросил Артур, оглядывая нас.

— Том ранен, — ответила я.

— Не в первый раз, — отмахнулся он, поднимаясь.

— Сядь, — велела я. — Не геройствуй.

Павел подошёл, всё ещё держа меч наготове. Огонь на его лезвии угасал, оставляя тонкие струйки дыма.

— Это были не простые твари, — тихо сказал он. — Они ждали нас.

— Или просто выследили, — отозвался Артур.

— Нет, — Том покачал головой. — Они не охотились. Они защищали. Будто мы вторглись на их территорию.

— Водохранилище, — прошептала Ида.

Мы переглянулись.

— Нужно уходить, — решил Артур. — Быстро. Пока они не вернулись с подкреплением.

Мы двинулись вглубь леса, ускоряя шаг. Я шла рядом с Томом, поддерживая его под локоть. Кулон за поясом всё так же охлаждал кожу, и с каждым шагом этот холод, казалось, проникал глубже.

Что-то во всём этом было неправильно. Твари не защищают случайные места. Значит, водохранилище было важным. И тот, кто забирал людей у воды, — был ещё важнее.